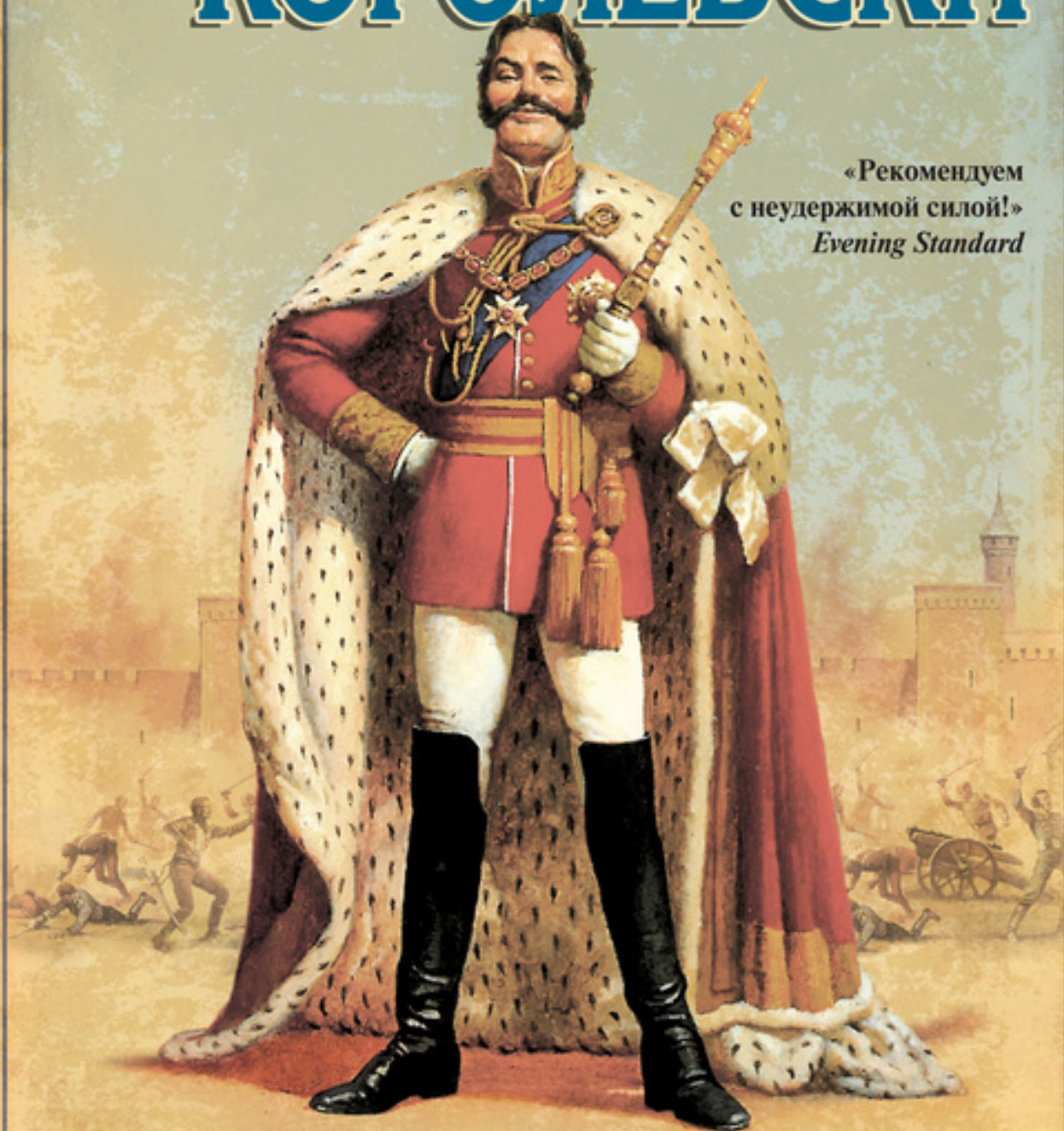


ФЛЭШ

ПО-КОРОЛЕВСКИ

«Рекомендуем
с неудержимой силой!»
Evening Standard



ДЖОРДЖ МАКДОНАЛД ФРЕЙЗЕР

Записки Флэшмена

Джордж Фрейзер
Флэш по-королевски

«ВЕЧЕ»

1970

Фрейзер Д. М.

Флэш по-королевски / Д. М. Фрейзер — «ВЕЧЕ»,
1970 — (Записки Флэшмена)

ISBN 978-5-9533-4959-8

У прославленного вояки и прохвоста Гарри Флэшмена новое увлечение. На этот раз он попадает под сильное обаяние международной авантюристки Лолы Монтез, игривой как котенок и опасной как моток колючей проволоки. Параллельно с этим событием беспечный ловелас умудряется нажить себе серьезного врага в лице молодого немецкого аристократа Отто фон Бисмарка, чей железный кулак уже начинает грозить слишком вольготно чувствующей себя королевской Европе. Флэшмен и не подозревает какую опасную шутку сыграла с ним матушка-природа (не без участия distinguished родителей, разумеется). Миссия в Германии обещает быть незабываемой

ISBN 978-5-9533-4959-8

© Фрейзер Д. М., 1970
© ВЕЧЕ, 1970

Содержание

Записки Флэшмена	6
Пояснительная записка	7
I	10
II	20
III	34
IV	40
V	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Джордж Макдоналд Фрейзер

Флэш по-королевски

George MacDonald Fraser

Royal flash

© George MacDonald Fraser, 1969

© Яковлев А.Л., перевод на русский язык, 2011

© ООО «Издательский дом „Вече“», 2011

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2011

«В образе Флэшмена Дж. М. Фрейзер сотворил одного из бессмертных»
SUNDAY TIMES

«Где бы ни застала судьба Флэшмена со спущенными вишневыми лосинами, мы можем не сомневаться – он выпутается из ситуации с присущим ему нагловатым блеском»
SUNDAY TELEGRAPH

«Великий рассказчик... Вряд ли за всю нашу жизнь нам доведется увидеть еще одного такого»
THE BOSTON GLOBE

«Какая сногшибательная книга!»
П.Г. ВУДХАУЗ, создатель Дживса и Вустера

Записки Флэшмена

Флэшмен

(1839–1842: Англия, Индия, Афганистан)

Флэш по-королевски

(1842–1843, 1847–1848: Англия, Германия)

Флэш без козырей

(1848–1849: Англия, Западная Африка, США)

Флэшмен на острие удара

(1854–1855: Англия, Россия, Средняя Азия)

Флэшмен в Большой Игре

(1856–1858: Шотландия, Индия)

Флэшмен под каблуком

(1842–1845: Англия, Борнео, Мадагаскар)

Флэшмен и краснокожие

(1849–1850, 1875–1876: США)

Флэшмен и Дракон

(1860: Китай)

Флэшмен и Гора Света

(1845–1846: Индийский Пенджаб)

Флэшмен и Ангел Господень

(1858–1859: Индия, Южная Африка, США)

Флэшмен и Тигр

(1878–1894: Англия, Австро-Венгрия, Южная Африка)

Флэшмен на марше

(1867–1868: Абиссиния)

Посвящается Кейт, в очередной раз, а также: Роналду Колмену, Дугласу Фэрбенксу-мл., Эрролу Флинну, Бэзилу Рэтбоуну, Луису Хейворду, Тайрону Пауэру, и прочим из их компании

Пояснительная записка

Второй пакет «Записок Флэшмена» – этого обширного собрания рукописей, обнаруженного на распродаже в Лестершире в 1965 году, – продолжает рассказ о карьере автора, Гарри Флэшмена, с момента, где обрывается первый их фрагмент, то есть с осени 1842 года. Первый пакет содержит описание изгнания Флэшмена из школы Рагби в 1839 году (что нашло отражение в книге Томаса Хьюза «Школьные годы Тома Брауна») и последовавшие за этим событием этапы военной карьеры героя в Англии, Индии и Афганистане. Второй пакет охватывает два отдельных периода: по несколько месяцев из 1842–1843 и 1847–1848 годов. Интригующая лакуна длиной в четыре года будет освещена, как можно догадаться из замечаний автора, в какой-то другой части его мемуаров.

Настоящая часть записок имеет важное историческое значение, так как описывает встречи Флэшмена с некоторыми персонами, получившими всемирную известность – в том числе с одним выдающимся государственным деятелем, чей образ и поступки переживают ныне существенную переоценку в трудах историков. Рукопись также представляет и определенный литературный интерес, поскольку без всякого сомнения наличествует связь между немецкими приключениями Флэшмена и одним из наиболее популярных романов викторианской эпохи.

Так же как в случае с первым пакетом (переданным мне мистером Пэджетом Моррисоном, владельцем «Записок Флэшмена») я ограничился лишь исправлением легких орфографических погрешностей автора. Там, где Флэшмен касается исторических фактов, он удивительно точен, особенно если учесть, что мемуары написаны им, когда ему было уже за восемьдесят. Места, где автор, как кажется, допускает мелкие неточности, оставлены мною в тексте без изменения (например, он называет боксера Ника Уорда «чемпионом» в 1842 году, хотя на деле Уорд утратил этот титул в предыдущем году), тем не менее я добавил в соответствующих местах необходимые замечания.





Как большинство мемуаристов, Флэшмен бывает небрежен, когда речь идет о точных датах; случаи, когда их оказалось возможным установить, оговорены мною в комментариях.
Дж. М. Ф.

I

Будь я хоть наполовину тем героем, за которого меня все держали, или хотя бы сносным солдатом, Ли выиграл бы битву при Геттисберге, и, скорее всего, захватил Вашингтон. Это совсем другая история, которую я поведаю в свое время, если старость и бренди не успеют меня прикончить раньше. Упоминаю про этот факт исключительно лишь для того, чтобы показать, как ничтожные мелочи определяют ход великих событий.

Ученые мужи, конечно, с этим не согласятся. «Политика, – скажут они, – и хитроумные схемы государственных деятелей – вот что решает судьбы наций; мнения интеллектуалов, сочинения философов – они управляют человечеством». Ну, возможно, они вносят некий вклад, но по моему опыту, ход истории часто зависит от того, что кто-то маялся животом или не выпался. Иногда это может быть напившийся в стельку моряк или вильнувшая задом аристократическая шлюха.

И потому, заявляя, что мое хамское обращение с одним иностранным подданным изменило ход европейской истории, я недалек от истины. Если бы хоть на миг я мог представить, каким важным станет этот человек, я был бы вежлив с ним как паинька – да-да, я – «здрасьте-пожалуйста, чего изволите, сэр», и так далее. Но будучи молодым и глупым, я принял его за одного из тех, кому мне позволено хамить безнаказанно, как то: слугам, проституткам, старьевщикам и иностранцам – и потому дал волю своему поганому языку. В конечном итоге это едва не стоило мне головы, уж не говоря о перекраивании карты мира.

Случилось это в сорок втором году, когда я едва вышел из юношеского возраста, но был уже знаменит. Я сыграл выдающуюся роль в фиаско, известном как Первая Афганская война¹, за что оказался увенчан лаврами героя, награжден королевой и сделался кумиром всего Лондона. О том, что всю кампанию я провел в состоянии самого постыдного ужаса – врал, обманывал, блефовал и спасал свою шкуру бегством при первой возможности – никто, кроме меня, не догадывался. Если кто-то и подозревал, то помалкивал. Уже тогда не считалось хорошим тоном поливать грязью имя отважного Гарри Флэшмена.

Если вы читали первую часть моих мемуаров, вам все уже известно. Я упоминаю об этом здесь на тот случай, если пакеты окажутся разрознены; поэтому вам стоит знать: перед вами правдивая история о лишенном чести трусе, испытывающем извращенную гордость от того, что он сумел сделать карьеру в тот славный прекрасный век, хотя и был наделен множеством пороков и совершенно лишен добродетелей – впрочем, возможно, именно благодаря этому.

Да, таким я был в сорок втором: высокий, стройный; любимчик лондонского общества, предмет обожания в Конной гвардии (хотя я был всего лишь капитаном); обладатель красавицы-жены. Я был по видимости богат, вращался в лучших компаниях, мамыши кудахтали надо мной, а мужчины уважали как великолепного *beau sabreur*². Мир лежал предо мной словно устрица, и мне надо было быть совсем дураком, чтобы не вскрыть его своей шпагой.

О да, то были золотые деньки. Идеальное время быть героем наступает тогда, когда война окончена и остальные парни мертвы, да упокоит Господь их души, а вам остается пожинать лавры.

Даже то, что Элспет наставляет мне рога, не слишком омрачало мою радость. Глядя на ее ангельское личико, белокурые локоны и выражение идиотской наивности, вы никогда бы не подумали, что перед вами самая распутная шлюха, когда-либо рожденная женщиной. Но я не сомневался, что за месяц с момента моего возвращения домой, мои рога подросли по

¹ Первая Афганская война 1839–1842 гг. – Здесь и далее примеч. переводчика.

² Рубака, фехтовальщик (фр.).

меньшей мере вдвое. Поначалу я злился и вынашивал месть, но у нее же водились деньги, знаете ли – благодаря треклятому шотландскому денежному мешку, ее папаше, – и вздумай я разыгрывать из себя ревнивого супруга, то мигом оказался бы на Квир-стрит³ без крыши над головой. Так что я помалкивал, и платил ей той же монетой, развлекаясь со шлюхами в свое удовольствие. Странная сложилась ситуация: мы оба знали, что к чему (по крайней мере я полагал, что ей все известно, но с такой дурой, как она ни в чем нельзя быть уверенным), но изображали из себя счастливую семейную пару. Причем время от времени кувыркались в постели и получали от этого удовольствие.

Но реальная жизнь текла своим чередом – оставляя в стороне респектабельное общество, я стремительно вливался в нее: бездельничал, играл, пил и распутствовал по всему городу. Эпоха отчаянных сорвиголов близилась к концу: на троне сидела королева, чьи ледяные бледные ручки – так же как и лапы ее твердозадого муженька – уже протянулись к жизненной артерии нации, с ханжеским смирением перекрывая кислород добрым старым порядкам. Начиналось то, что теперь зовут викторианской эрой. Здесь ценилась респектабельность; на смену бриджам пожаловали брюки, исчезли декольте, а взгляды полагалось стыдливо опускать долу; политики стали трезветь, торговля и промышленность входили в моду, аромат ладана вытеснял перегар бренди. Эпоха повес, дельцов и денди уступала место эре педантов, проповедников и зануд.

Но мне хотя бы выпала возможность присутствовать при кончине той эпохи, и я от души вносил свой вклад. Еще можно было проигратись в пух и прах в Ганновер-сквер, нализаться в стельку в «Сайдер-Селларс» или «Лестер-филдс», подцепить шлюху на Пикадилли, стянуть у полицейского ремень или шлем в Уайтхолле, а на обратном пути бить стекла и орать пьяные песни. Пока случалось, что в карты спускали целое состояние; происходили дуэли (правда, я держался подальше от этого: единственная моя дуэль, в которой мне благодаря обману удалось стяжать громкую славу, имела место за несколько лет до того, и у меня не было желания повторять этот опыт). Жизнь еще была ключом, если хотите знать. Больше такого уже не было; говорят, что в наши дни молодой король Эдвард делает все от него зависящее, чтобы понизить моральный градус нации, но я сомневаюсь, что ему достанет стили: парень выглядит как мясник.

Как-то вечером мой приятель Спидикат – он учился со мной в Рагби, и с момента, как я сделал первый шаг к славе, так и увивался вокруг меня – намекнул, что нам стоит заглянуть в одно новое местечко в Сент-Джеймсе: полагаю, речь на самом деле шла о Майнор-клуб.⁴ «Мы можем для начала попытать счастья за игорным столом, потом наверху, со шлюхами, – заявляет он, – а потом отправиться в Креморн, поглядеть на фейерверк и увенчать ночные похождения доброй порцией ветчины, пунша, а может, и еще несколькими девчонками». Звучало заманчиво, и, выудив несколько монет у Элспет, которая собиралась на Стоур-стрит, послушать как некий мистер Уилсон поет шотландские песни (о, Боже!), мы со Спида направились в Сент-Джеймс.⁵

Все пошло наперекосяк с самого начала. По дороге в клуб Спида пришла мысль залезть в один из этих новых омнибусов: он намеревался повздорить с кондуктором по поводу

³ Выражение «оказаться на Квир-стрит» означает «остаться без гроша». Такой улицы в Лондоне на самом деле не существовало, это было нарицательное наименование для кварталов бедноты и должников.

⁴ «Майнор-клуб» в Сент-Джеймсе мог быть в новинку для Флэшмена в 1842 году, но был хорошо известен лондонскому бомонду. В том году против его владельца, мистера Бонда, одним из неудачливых игроков был возбужден иск, по которому потерпевшему в качестве возмещения было уплачено 3500 фунтов. (См. Л.Дж. Людовичи «Игорная лихорадка»). (Комментарии редактора рукописи).

⁵ Выступления мистера Уилсона пользовались большим успехом по всей Англии, особенно у шотландских выходцев, к которым принадлежала и миссис Флэшмен. В его репертуар входили поэма «Вечер с Бернсом» («A Nicht wi' Burns»), лекция о восстании 1745 года, а также популярные песни. Уилсон умер во время турне по Соединенным Штатам. (Комментарии редактора рукописи).

оплаты и вывести его из себя – кондукторы омнибусов слыли известными сквернословыми, и Спиди решил, что получится жутко весело, если довести кондуктора до белого каления и понервировать пассажиров.⁶ Но кондуктор оказался Спиди не по зубам: он просто вышвырнул нас вон, не произнеся ничего более красочного, чем «черт вас побери», предоставив пассажирам вдоволь потешиться на наш счет, что не добавило нам ни очков, ни хорошего настроения.

Да и клуб оказался форменным притоном – цены аховые, даже на арак и чируты, а стол для фараона кривой, как линия русской пехоты, и такой же неприступный. Это всегда так: чем приличнее публика, тем грязнее игра. Мне приходилось играть в наполеон на австралийских приисках, ставя на кон золотой песок; держать банк при игре в двадцать одно на торговом корабле в южных морях; блефовать в покер на извозчицьем дворе в Додж-сити, выложив на попону револьверы – но нигде и никогда не встречал я такого жулья, какое каждый вечер собирается в лондонском клубе.

Мы спустили несколько гиней, после чего Спиди говорит:

– Это все не слишком весело. Я знаю игру получше.

Я кивнул, и мы, подцепив в игровом зале пару девиц, потащили их наверх, чтобы сыграть в мушку на раздевание. Я положил глаз на ту, что поменьше – маленькую рыжую чертовку с ямочками на щеках. «Если я не распакую ее за дюжину партий, – сказал я себе, – то, значит, я утратил свой талант передергивать». Но то ли мы выпили лишнего, поскольку закупили изрядное количество арака, хоть и такого дорогого, то ли шлюшки тоже мухлевали, но в итоге я оказался раздет до исподнего, в то время как маленькая бестия сняла с себя только башмачки и перчатки.

Она покатывалась со смеху, и я начал выходить из себя, но тут на нижнем этаже поднялся невообразимый шум. Послышался топот, крики, свистки, стук и лай собак.

– Сматываемся! – раздался чей-то вопль. – Это ищейки!

– Господи! – вскричал Спиди, хватая бриджи. – Это рейд! Надо валить отсюда, Флэш!

Шлюхи в панике завизжали, но я выругался и, оттолкнув их, схватил свои вещи. Не так-то просто одеваться, когда ищейки висят у тебя на хвосте, но мне хватило ума понять, что нам не уйти далеко, если мы не будем в полной экипировке – попробуйте-ка прогуляться по Сент-Джеймсу вечером, держа штаны под мышкой!

– Бежим! – кричит Спиди. – Они сейчас придут!

– А нам что делать? – заскулила рыжая потаскуха.

– Делайте, что сочтете нужным, – говорю я, влезая в башмаки. – Приятной вам ночи, леди.

И мы со Спиди выскользнули в коридор.

Везде царил хаос. Создавалось впечатление, что в игровом зале идет всеобщая потасовка: треск ломающейся мебели, визг проституток, чей-то рык: «Именем королевы!» Спускаясь, мы видели выглядывающих из дверей комнат перепуганных шлюх и мужчин разной степени раздетости, мельтешащих в поисках дороги к бегству. Один жирный подонок, совершенно голый, молотил в дверь, истошно крича: «Люси, спрячь меня!»

Но он зря старался, и бросив, на него прощальный взгляд, я заметил, как толстяк пытается укрыться за софой.

В наши дни люди даже не представляют, как дьявольски суровы были законы сороковых по отношению к игорным притонам. Полицейские постоянно устраивали рейды на них, а владельцы держали сторожевых собак и дозорных на случай облавы. В большинстве заве-

⁶ Омнибусы на конной тяге ездили по Лондону, когда Флэшмен был еще ребенком. Возможно, он имеет в виду новую службу перевозок. Ее кондукторы пользовались дурной славой грубиянов и сквернословов, которая сохраняется за ними и по сей день. (Комментарии редактора рукописи).

дений имелись также специальные потайные места для игорного снаряжения. Так что карты, кости и столы исчезали в один миг, и поскольку у полицейских не было права проводить обыск, то при отсутствии доказательств, что здесь шла игра, их действия трактовались как незаконное вторжение и взлом.⁷

Очевидно, им удалось-таки накрыть «Майнор-клуб» на горячем, и, если нам не удастся по-быстрому сделать ноги, нас ждет полицейский участок и скандал в газетах. Внизу заверещал свисток, шлюхи завизжали и попрятались за дверьми, послышался топот поднимающихся по лестнице ног.

– Давай сюда, – говорю я Спиди, и мы ринулись в другом направлении. Там оказалась верхняя площадка. На ней никого не было, и мы скорчились под перилами, выжидая, что будет. В двери внизу уже колотили. Кто-то подбежал к нам. Это был миловидный пухлый юноша в розовом сюртучке.

– Ах, боже мой! – простонал он, растерянно оглядываясь. – Что скажет матушка? Где же спрятаться?

– Давай сюда, – говорю я ему, быстро пораскинув мозгами, и показываю на закрытую дверь.

– Да благословит вас Господь, – говорит он. – А как же вы?

– Мы задержим их. Ну давай же, болван.

Он исчез внутри. Я подмигнул Спиди, стянул у него с груди шейный платок и бросил его у закрытой двери. Потом мы на цыпочках прокрались в комнату на другой стороне площадки и спрятались за дверью, которую я предусмотрительно оставил распахнутой настежь. Судя по отсутствию активности и толстому слою пыли, этот этаж явно был заброшен.

Тут появились ищейки. Увидев платок, они издали радостный клич и выволокли розового юнца наружу. Как я и рассчитывал, нашу комнату они не тронули, здраво рассудив, что никто не станет прятаться за открытой дверью. Мы стояли не шелохнувшись, пока полисмены топтались на лестничной площадке, выкрикивая команды и веля розовому юноше прикусить язык. Затем вся гурьба спустилась вниз. Там, судя по всему, полицейские строили своих пленников, причем в весьма грубых выражениях. Не так часто им удавалось провести успешную облаву, и теперь у них появился шанс отыграться сполна.

– Святой Георг, ну и хитер ты, Флэши, – прошептал Спиди. – Полагаю, мы спасены.

– Побегал бы ты с мое от этих проклятых афганцев, – отвечаю я, – тоже выучил бы все, что полагается знать о прятках.

Но в глубине души я тоже был доволен, что мой трюк сработал. Мы нашли слуховое окно, и на нашу удачу поблизости располагалась достаточно покатая крыша соседнего, оказавшегося пустым, дома. Мы влезли на его чердак, спустились два пролета по лестнице и через заднее окно выбрались в переулок. Пока все шло прекрасно, но Спиди пришла в голову мысль, что здорово было бы обойти дом и с безопасного расстояния полюбоваться на то, как легавые уводят своих пленников. Я согласился, что будет весело, и мы, приведя себя в порядок, прогулочным шагом направились к концу улицы.

Что и говорить, у дверей «Майнор-клуб» собралась целая толпа желающих поглазеть на представление. Бобби в своих высоких шапках и ремнях оцепили подъезд, откуда арестованных препровождали в крытые кареты. Мужчины либо шли молча, понуриив голвы, либо поносили полицейских на чем свет стоит; шлюхи по большей части плакали, хотя некоторые пытались брыкаться и царапаться.

⁷ Рейды по игорным притонам стали обычным делом после принятия Полицейского акта 1839 года, который разрешил вламываться в дома силой. Замечания Флэшмена о предосторожностях, принимаемых владельцами, и правах полиции, точны (см. Людовичи). (Комментарии редактора рукописи).

Будь мы поумней, то держались бы на расстоянии, но стало темнеть, и мы подошли поближе. Мы пробрались к краю толпы, и надо же было случиться, что как раз в этот момент вывели того юнца в розовом сюртуке, хнычущего и бледного. Спиди рассмешил его несчастный вид, и повернувшись ко мне, он пропел:

– Слушай, Флэши, что же скажет мама?

Юнец, видно, услышал; он обернулся и заметил нас. Взвизгнув, эта презренная шавка указала на нас:

– Они тоже были там! Эти двое – они тоже прятались!

Если бы мы не дрогнули, никто бы ничего не доказал, но инстинкт бегства укоренился во мне слишком глубоко: не успели бобби повернуться к нам, я уже мчался как заяц. Увидев, что мы бежим, они бросились в погоню. У нас получилась неплохая фора, но недостаточная, чтобы успеть скрыться из глаз, нырнув за угол или в подворотню; Сент-Джеймс – чертовски плохой район, чтобы бегать от полиции: улицы слишком широкие, и нет укромных переулков.

Поначалу нас разделяло ярдов пятьдесят, но потом они начали приближаться – особенно двое, размахивающие дубинками и приказывающие нам остановиться. Я почувствовал, что начинаю хромать. Мускулы сломанной при Джелалабаде ноги еще не совсем восстановились, каждый шаг отдавался болью в бедре.

Спиди это заметил и замедлил бег.

– Эгей, Флэш! Ты что, отбегался?

– Нога, – говорю я. – Больше не выдержу.

Он бросил взгляд за спину. Вопреки плохой характеристике, которую дает ему Хьюз в «Школьных годах Тома Брауна», Спидикат был храбрым, как терьер, и готовым в любой миг ввязаться в драку – совсем не то, что я.⁸

– Понятно, – говорит он. – Тогда к дьяволу все. Давай остановимся и покончим с ними. Их только двое... хотя нет, проклятье, там позади еще. Покажем всем, на что мы способны, старина.

– Без толку, – прохрипел я. – Я не в состоянии драться.

– Предоставь это мне, – кричит он. – Я задержу их, пока ты не скроешься. Да не стой тут, парень: разве ты не понимаешь, что не к лицу герою Афганистана оказаться в кутузке? Жуткий скандал. Не беспокойся обо мне. Ну, идите сюда, ублюдки в синих мундирах!

Он развернулся посреди дороги, обзывая их и приглашая подойти ближе.

Я не колебался. Если найдется такой осел, что готов принести себя в жертву ради Флэши, – значит сам виноват, пусть получает по полной. Оглянувшись, я увидел, как он остановил одного из бобби ударом прямой левой и сцепился со вторым. Потом я свернул за угол, ковыляя со всей скоростью, которую позволяла больная нога. Я добежал до конца улицы, пересек площадь; бобби еще не показались. Обогнул разбитый в центре садик, и тут нога буквально подломилась.

Привалившись к изгороди, я отдыхал, судорожно хватая воздух. Издалека до меня долетал боевой клич, который все еще издавал Спиди. Где-то неподалеку послышался топот. Оглядевшись в поисках убежища, я увидел пару экипажей, стоящих у дома, выходящего на огороженный садик. До них было недалеко, а оба возницы сидели в первом из экипажей, обсуждая лошадей. Меня они не видели; если мне удастся доковылять до второго и забраться внутрь, ищейки останутся с носом.

⁸ Упомянув о Спидикате, Хьюз однозначно ставит его на одну доску с Флэшменом, стало быть, дает крайне нелицеприятную характеристику. Флэшмен представляет его в новом свете, благодаря чему возникает предположение, что Спидикат мог быть одним (если не обоими) анонимными персонажами из «Тома Брауна»: в первом случае тем, кто пощадил фагов в эпизоде с одеялами, во втором случае тем, кто высказался в пользу лишь частичного поджаривания Тома на огне. (Комментарии редактора рукописи).

Хромать бесшумно не так и просто, но мне удалось незамеченным добраться до экипажа, открыть дверь и укрыться в нем. Я скорчился, чтобы меня не было видно и, затаив дыхание, стал прислушиваться к звукам погони. Несколько минут все было тихо. «Потеряли след», – подумал я, и тут услышал новый звук. От двери одного из домов донеслись женский и мужской голоса. Раздался смех, пожелания доброй ночи, цоканье шагов по мостовой и скрип подножки. У меня перехватило дыхание, а сердце бешено забилося; дверь экипажа распахнулась, стало светло, и я осознал, что смотрю в глаза одной из самых красивых девушек, которых мне доводилось встречать.

Нет, самой красивой. Когда я оглядываюсь назад и вспоминаю женщин, которых знал: блондинок и брюнеток, худеньких и полных, смуглых и белолицых – их сотни, сотни... – я не могу найти ни одной, что могла бы сравниться с ней. Одну ногу она поставила на подножку, руки, придерживающие юбку из алого сатина, были отведены назад, открывая взору белоснежную грудь, на которой сверкало кольцо из бриллиантов, соперничающих своей роскошью с ниткой жемчуга в ее иссиня-черных волосах. Большие темные глаза уставились на меня, а губы, не слишком большие, но полные и алые, приоткрылись в удивленном вздохе.

– Господи боже! Мужчина! Какого черта вы тут делаете, сэр?

Должен вам признаться, такого рода приветствие не часто можно было услышать из уст леди в дни молодой королевы Виктории. Любая другая завизжала бы и рухнула в обморок. Подумав, я решил, что в данной ситуации лучше всего сказать правду.

– Я прячусь.

– Это-то я вижу, – говорит она. В голосе ее слышались нотки приятного ирландского акцента. – Но от кого? И почему в моем экипаже, не потрудитесь ли объяснить?

Я не успел ответить, поскольку из-под ее локтя появилось лицо мужчины. При виде меня он выругался по-иностранному и подался вперед, словно желая защитить даму.

– Умоляю, я не причиню вреда, – торопливо заверил я. – За мной гнались... полиция... нет, нет, я не преступник, честное слово. Я находился в клубе, когда туда нагрянула облава.

Мужчина по-прежнему не сводил с меня глаз, зато женщина приоткрыла ротик в очаровательной улыбке, и рассмеялась, откинув голову. Я улыбнулся самой заискивающей улыбкой, какую смог изобразить, но мое обаяние произвело на ее спутника не больший эффект, чем если бы я был Квазимодо.

– Убирайся отсюда немедленно! – отрезал он ледяным тоном. – Немедленно. Слышишь?

Я сразу же почувствовал к нему крайнее нерасположение. И не только из-за его манер или выражений, но еще и из-за внешнего вида. Он был высок, примерно с меня ростом, узок в бедрах и широк в плечах, и при этом чертовски привлекателен. У него были серые глаза и одно из тех четко очерченных лиц в обрамлении русых волос, при виде которого вспоминаешь про моральный облик скандинавских богов – в любом случае, он был слишком правильным, чтобы находиться в компании с такой жгучей красоткой.

Я попытался было что-то сказать, но он снова рывкнул на меня. И тут на помощь мне пришла женщина.

– Ах, оставь его, Отто, – говорит она. – Разве ты не видишь, что это джентльмен?

Я собирался сердечно поблагодарить ее, как вдруг на мостовой послышались тяжелые шаги и мрачный голос спросил, не видели ли здесь джентльмена, пробегающего через площадь. Ищейки снова напали на след, и на этот раз загнали меня в угол.

Но не успел я даже рта раскрыть или пошевелиться, как леди уселась в экипаж и прошептала:

– Вставай с пола! Ну же, болван!

Я подчинился, несмотря на боль в ноге, и плюхнулся рядом с ней на сиденье. Тут ее компаньон, лопни его глаза, и говорит:

– Вот тот человек, констебль. Арестуйте его.

Сержант просунул голову в дверь, оглядел нас и в сомнении спрашивает русоволосого:

– Этот джентльмен, сэр?

– Конечно, кто же еще?

– Ну... – бобби пришел в замешательство, видя, что я сижу важный, как король. – Вы уверены, сэр?

Блондин издал еще одно чужеземное проклятие, и сказал сержанту, что уверен, обозвав его дураком.

– Ах, Отто, прекрати, – говорит вдруг леди. – Сержант, это и вправду слишком жестоко с его стороны. Он разыгрывает вас. Этот джентльмен с нами.

– Розанна! – блондин вышел из себя. – Что ты задумала? Сержант, я...

– Не валяй дурака, Отто, – говорю я, входя в роль, и вспыхиваю от радости, чувствуя как леди сжала мою ладонь. – Залезай к нам и поедем домой. Я устал.

Иностранец одарил меня разъяренным взором; между ним и сержантом разразилась ожесточенная перебранка, доставлявшая леди Розанне невероятное удовольствие. Подошли кучер и другой констебль. Тут сержант, весь спор хмуро косившийся на меня, снова просовывает голову в экипаж и говорит:

– Пойдите-ка. Я вроде как вас знаю. Вы не капитан Флэшмен, а?

Я кивнул. Он выругался и стукнул кулаком по двери.

– Герой Джулуулабада! – заорал полисмен.

Я скромно улыбнулся мисс Розанне, глядевшей на меня удивленными глазами.

– Защитник форта Пайпера! – продолжает констебль.

– Ну да, да, – говорю я. – Все в порядке, сержант.

– Гектор Афганистана! – не успокаивался полисмен, явно не чуравшийся прессы. – Проклятье! Вот это да!

Он весь расцвел в улыбке, что совсем не понравилось моему обвинителю, который злобно требовал моего ареста.

– Он беглец, – настаивал Отто. – Он забрался в наш экипаж без разрешения.

– Да заберись он без разрешения хоть в Букингемский дворец, я бы пальцем не шевельнул, – говорит сержант, поворачиваясь ко мне. – Капрал Вебстер, сэр, Третий гвардейский полк. Был под началом майора Макдоналда при Угумоне⁹, сэр.

– Для меня честь познакомиться с вами, сержант, – говорю я, пожимая ему руку.

– Это для меня честь, сэр, ей-богу. Но довольно, пора покончить с этим. – Он повернулся к блондину. – Вы ведь не англичанин, а?

– Я прусский офицер, – говорит Отто, – и я требую...

– А капитан Флэшмен – английский офицер, так что вы не можете ничего требовать, – говорит сержант. – И все, не стоит нарываться. – Он козырнул и подмигнул мне. – Доброй вам ночи, сэр. И вам, мэм.

Мне показалось, немца хватит апоплексический удар, таким разъяренным он выглядел, и настроение его вовсе не улучшилось, когда раздался безжалостный смех Розанны. Он с минуту стоял, глядя на нее и кусая губы, потом она овладела собой и говорит:

– Ну, хватит, Отто, залезай в экипаж. Ох, не могу... – она расхохоталась снова.

– Я счастлив, что повеселил тебя, – говорит он. – Ты выставила меня дураком, ты только этим и занимаешься сегодня вечером. – Вид у него был чертовски злой. – Ну, хорошо, мадам, не исключено, что вы еще пожалеете об этом.

– Не надо дуться, Отто, это всего лишь шутка. Залезай и...

⁹ Речь идет о сражении при Ватерлоо в 1815 году. Ферма Угумон стала местом решающей схватки между англичанами и французами.

– Я бы предпочел лучшую компанию, – продолжает он. – Я имею в виду настоящих леди. – И, отсалютовав шляпой, он отошел от двери экипажа.

– Ну так черт с тобой! – крикнула она, внезапно приходя в ярость. – Кучер, гони!

И надо же тут мне было раскрыть рот! Перегнувшись через нее, я крикнул:

– И как ты смеешь так обращаться с леди, ты, грязный иностранный пес!

Уверен, промолчи я тогда, немец бы про меня забыл, поскольку весь его гнев сосредоточился на ней. Но теперь Отто обратил свои ледяные глаза в мою сторону и принялся сверлить меня ими. На мгновение я почувствовал страх – в лице этого человека читалась смертельная угроза.

– Я тебя запомню, – пообещал он.

К своему изумлению я заметил в его глазах отблеск любопытства. Немец подошел на шаг ближе. Любопытство исчезло. Отто запоминал меня, и одновременно ненавидел.

– Я тебя запомню, – снова сказал он.

Экипаж тронулся, оставив Отто стоять у обочины.

Несмотря на мгновенный приступ страха, который он пробудил во мне, плевать я хотел на его угрозы: опасность миновала, я овладел собой, а все мое внимание поглощала несравненной красоты загадка, сидевшая рядом. У меня появилась возможность оценить ее профиль: широкая бровь, волосы цвета воронова крыла, маленький, но при том слегка изогнутый нос, пышные губки сердечком, твердый аккуратный подбородок, и дерзко выпирающие из-под алого сатина белые груди.

Аромат ее духов, бросаемые искоса взгляды и звуки хрипловатого, чувственного голоса – все влекло к ней. Любой скажет вам: оставьте Гарри Флэшмена наедине с такой женщиной, и неизбежно происходит одно из двух – либо звучат вопли и пощечины, либо леди капитулирует. Иногда и то и другое одновременно. Я с первого взгляда понял, что в данном случае воплей и пощечин не будет, и оказался прав. Когда я поцеловал ее, прошло не более секунды, чем ее губы раскрылись в ответ. Я тут же наметнул на свою больную ногу, заметив, что нежные женские прикосновения способны умерить боль в мышцах. Она с игривой улыбкой согласилась, а свободной рукой с удивительным искусством отражала все мои домогательства до тех пор, пока мы не добрались до ее дома, находившегося где-то в Челси.

К этому моменту я находился уже на такой стадии возбуждения, что едва мог удерживать руки в покое, пока она отпускала служанку и провожала меня в салон, весело щебеча о том и о сем и действуя со спокойствием опытной шлюхи. Едва закрылась дверь, я положил этому конец, стиснув ее груди и препроводив даму на кушетку. Ее реакция была неопишуемой: она обхватила меня руками и ногами, вонзив мне в спину свои ногти. Ее яростный способ заниматься любовью вызывал почти что ужас: мне приходилось встречать страстных женщин, и немало, но мисс Розанна скорее напоминала дикое животное.

Второй раз, уже ночью, получился еще более горячим, чем первый. Теперь мы оказались в постели, и на мне не было одежды, способной защитить от укусов и царапин; я протестовал, но это было все равно что говорить с сумасшедшей. Она даже начала колотить меня чем-то тяжелым и твердым – видимо, расческой – и к моменту, когда ее стоны и дерганье прекратились, мне показалось, что я совокуплялся с мотком колючей проволоки.¹⁰ Я был избит, исцарапан, изранен и искусан с головы до пят.

В промежутках же она была совершенно другой: веселой, остроумной, и мало кто мог бы сравниться с ее очаровательным голосом и манерами. Выяснилось, что я имею дело с Мэри Элизабет Розанной Джеймс – вот так, не меньше, – женой одного офицера, так кстати отсутствующего в городе по делам гарнизонной службы. Подобно мне, она лишь недавно

¹⁰ Сравнение с колючей проволокой явно пришло Флэшмену на ум в позднейшее время: колючая проволока была неизвестна до 1870 х гг. (Комментарии редактора рукописи).

вернулась из Индии, где он служил. Жизнь в Лондоне казалась ей смертельной тоской – все ее знакомые скучные снобы, нет и намека на тот размах, к которому она привыкла. Ей хотелось попасть обратно в Индию или хотя бы чем-нибудь поразвлечься. Вот почему мое появление в экипаже было воспринято столь благосклонно: ей пришлось коротать невыносимо унылый вечер среди друзей мужа в сопровождении немца Отто, которого она нашла редкостным занудой.

– Одного взгляда на человека, который делает вид, что в нем есть... ну, искорка, что ли, – для меня было достаточно, – говорит она. – Дорогой, я бы не выдала тебя полиции, будь ты хоть убийцей. А еще это был шанс сбить спесь с этого прусского осла: можешь ты представить, что у человека, имеющего столь шикарную внешность, в жилах течет ледяной уксус?

– Кто он такой?

– Отто? А, один из немецких офицеров, совершающих турне по загранице. Иногда мне кажется, что в нем сидит какой-то бес, только хорошо прячется: Отто ведет себя так безупречно, потому что, как и все иностранцы, желает произвести на англичан впечатление. Сегодня, в надежде вдохнуть хоть искорку жизни в это собрание педантов, я предложила им продемонстрировать испанский танец – так тебе бы показалось, что я лягнула нечто неприличное. Они даже не сказали: «Ах, дорогая!». Просто склонили головы на бок, как делают эти английский дамы, желая показать, что им дурно.

И она наклонила головку, изогнувшись на кровати, словно нагая нимфа.

– Но в глазах Отто я заметила блеск, хоть и на мгновение. Сдается мне, что со своими немецкими девицами у себя в Шенхаузене, или как он там называется, парень вовсе не так застенчив.

Я подумал, что для Отто это слишком, что и высказал.

– Ах, так ты ревнуешь? – говорит она, дразня меня высунутым язычком. – Ты нажил себе смертельного врага, дорогой. Или прославленный капитан Флэшмен не боится врагов?

– Мне наплевать на всех: немцев, французов, ниггеров, – отвечаю я. – А про твоего Отто я и думать забыл.

– Напрасно, – насмешливо говорит она. – Поскольку придет день, и он станет большим человеком – он сам мне сказал. «Я избран», – говорит. «Для чего?» – спрашиваю я. «Чтобы править». В ответ я ему сказала, что у меня тоже есть амбиции: жить как мне угодно, любить кого мне угодно, и никогда не стареть. Не удивлюсь, если это никогда не приходило ему в голову. Он заявил, что я легкомысленна и ничего не добьюсь. «Только сильным, – говорит, – подвластно достигать цели». На что я ответила, что у меня есть гораздо лучший девиз.

– И какой же? – спрашиваю я, пытаюсь дотянуться до нее. Но она перехватила мои руки, вид у нее был немного странный.

– Не падать духом и тасовать колоду, – отвечает она.

– И впрямь, девиз гораздо лучше, чем у него, – отозвался я и завалил ее на себя. – А вот я гораздо более велик чем он.

– Так докажи это снова, – говорит Розанна и кусает меня за подбородок.

И я доказал, хоть и ценой новых царапин и ушибов.

Таково было начало нашей связи. И какой бы неистовой и страстной она ни была, ей не суждено было продлиться долго. Прежде всего, Розанна оказалась столь требовательной любовницей, что меня могло не хватить надолго, а что до нее как до развлечения, то вряд ли можно было отнести ее к разряду тех, что мне по нраву. Она была слишком властной, мне же нравятся женщины мягкие, понимающие, что именно мое удовольствие важнее всего. Розанна – дело другое, именно она использовала мужчин. Это было все равно, что быть поедаемым заживо, и не дай бог не подчиниться ее приказу. Все должно исполняться по ее воле, и меня это утомляло.

Окончательно я потерял терпение примерно через неделю после первой нашей встречи. Мы провели бурную ночь, но когда я хотел уже заснуть, ей взбрело в голову поболтать со мной – а даже хриловатый ирландский говор может осточертеть, если его наслушаться сверх меры. Видя мое равнодушие, она вдруг закричала «На караул!» – таков был ее военный клич перед началом любовных игр, и снова набросилась на меня.

– Во имя неба! – возопил я. – Отстань. Я устал.

– От меня нельзя устать, – возражает она и начинает меня тормошить.

Но я отвернулся и предложил оставить меня в покое. Некоторое время она настаивала, потом затихла. И вдруг в один миг превратилась в настоящую фурию: прежде чем я успел сообразить, она набросилась на меня как дикая кошка, урча и царапаясь.

Ну, мне и раньше приходилось иметь дело с разъяренными женщинами, но с такой – никогда. Она вызывала ужас – прекрасная, нагая дикарка. Она крушила все, что попадало под руку, обзывала меня самыми обидными прозвищами, и ей удалось – охотно признаю – запугать меня до такой степени, что я схватил в охапку одежду и обратился в бегство.

– Трус и ублюдок! – вот последнее, что я запомнил, и звон ночного горшка, разбившегося о дверь, которую я едва успел захлопнуть. Пригрозив ей в ответ из коридора, куда она выскочила, белая от гнева и с бутылкой в руке, я решил долее не задерживаться. Так или иначе, у меня был больший опыт одевания на ходу, чем у большинства прочих, но на этот раз я не стал заморачиваться, пока не оказался вне пределов досягаемости, за порогом дома.

II

Должен признаться, я был потрясен, и пришел в себя не прежде, чем удалился от ее дома на порядочное расстояние. Нужно было обдумать, как избавиться от этой проклятой вздорной шлюхи. Вам это все покажется одной из обычных печальных развязок любовных походов Флэшмена, но я задерживаюсь на этой истории не без основательной причины. И не только потому, что она, на свой лад, была самой классной штучкой, которую мне выпало счастье оседлать; или потому что я каждый раз вспоминаю про нее при виде расчески. Этого было бы недостаточно. Нет, мое оправдание лежит в том, что это была первая моя встреча с одной из самых выдающихся женщин в моей жизни – или в жизни всех людей девятнадцатого века, коли уж на то пошло. Кто бы мог представить, что Мэри Элизабет Розанна Джеймс будет носить корону, править великим королевством и впишет в историю имя, сравнимое с именами мадам Дюбарри или Нелл Гвинн¹¹? Так вот, она была девчонкой Флэши на недельку, а этим уже можно и похвастаться. Но в свое время я был рад, слиняв от нее, и не только из-за ее обращения: вскоре мне стало известно, что она рассказала о себе не всю правду. Так, например, выяснилось, что ее муж-войка подал на развод; знай я об этом раньше, предпочел бы менее сомнительную постель. Не говоря уж о неприятном социальном аспекте – быть замеченным в таких делах – я разводов в принципе не одобряю.

Но в каком-то смысле она оказала большое влияние на мою жизнь – при ее посредстве я свел знакомство с блистательным Отто. Можно еще сказать, что именно благодаря ей между нами возникла размолвка, переросшая в будущем во вражду, да еще какую!

Но всего этого могло не быть, не натолкнись я на него снова – по чистой случайности – примерно месяц спустя. Произошло это у Тома Персеваля в Лестершире, куда я с компанией приехал посмотреть, как Ник Уорд колотит местных бойцов, и немного поохотится в угодьях Тома.¹² Там были молодой Конингем – совершенно бесшабашный игрок;¹³ старина Джек Галли, бывший некогда чемпионом Англии, а теперь заделавшийся фабрикантом и членом палаты общин; еще с дюжину парней, которых я не помню, ну и Спидикат, конечно. Когда я поведал ему, как провел ту ночь, он только расхохотался и воскликнул: «Везунчик Флэши! Что ж, как известно, удача любит отважных!» Он постоянно просил меня рассказывать всем, как было дело: сам он сидел в грязной каталажке с пьянчугами, а я тем временем тискал красотку.

Большая часть компании к моменту моего приезда уже гостила у Тома, и, встречая меня в холле, последний сказал:

– Все они хорошо друг друга знают, за исключением одного иностранца, от которого мне так и не удалось избавиться, черт его дерьмо. Приятель моего дяди, ему очень хочется посмотреть на наши сельские развлечения. Беда в том, что он жутко задается, и кое-кто из наших парней уже сыт им по горло.

Я ничего не подозревал до тех самых пор, пока, войдя вслед за Томом в оружейную комнату, откуда слышались веселые возгласы парней, коротающих холодную ночь за пуншем у жаркого камина, не увидел – среди затрапезных домашних одежд официального застегну-

¹¹ Мадам Дюбарри – фаворитка французского короля Людовика XV; актриса Нелл Гвинн – возлюбленная английского короля Карла II.

¹² Ник Уорд провозглашался чемпионом Англии после того, как побил Джеймса Берка по прозвищу «Глухой» в сентябре 1840 г. и Бена Гоунта в феврале 1841 г. Три месяца спустя он проиграл Гоунту матч-реванш. (*Комментарии редактора рукописи*).

¹³ Второй маркиз Конингем был среди жертв Майнор-клуба мистера Бонда: за два вечера в 1842 году он спустил как минимум 500 фунтов. (*Комментарии редактора рукописи*).

того на все пуговицы – не кого иного, как Отто. При виде меня он вскинулся, я же коротко выругался про себя.

Ребята встретили меня «ура» и бросились угощать пуншем и чирутами. Том же исполнил при иностранце роль любезного хозяина.

– Барон, – говорит Том, – (Так-так, – думаю, – мерзавец-то из знати), – позвольте представить вам капитана Флэшмена. Флэш, это барон Отто фон ... э-э, проклятье... фон Шорнхозен, или как его там... Мой косный язык не в состоянии это выговорить.

– Шенхаузен, – отвечает Отто, с напыщенным видом отвешивая поклон и не сводя с меня глаз. – Но, по сути, это лишь название моего имени, прошу простить меня за поправку. Мое родовое имя – Бисмарк.¹⁴

Конечно, это стариковская причуда, но мне кажется, что произнесено это было тоном, дающим понять, что вы еще услышите это имя. Тогда, разумеется, оно ни о чем мне не говорило, но ощущение такое возникло. И снова я ощутил холодок в спине: холодные серые глаза, точеная фигура и правильные черты, выражение превосходства на лице – все это заставляло меня трепетать. Если вы по натуре мягки как масло – как я, к слову – и при этом с изрядной примесью подхалимства, то вам не устоять перед таким человеком, как Бисмарк. Вы можете обладать всем: приятной наружностью, манерами и осанкой – всем этим я был наделен – но сознаете, что по сравнению с ним вы ничтожество. Если вам доведется, как говорят американцы, перехлестнуться с таким, – мой вам совет: сначала напейтесь. Но я был трезв, поэтому принялся заискивать.

– Знакомство с вами честь для меня, барон, – говорю я, протягивая ему руку. – Надеюсь, вам нравится здесь?

– Мы уже знакомы, и уверен, вы это знаете, – отвечает он, сжимая мою ладонь. Хватка у него была железная; полагаю, он был сильнее меня, а уж людей крепче меня поискать, по крайней мере в физическом смысле. – Припоминаете тот вечер в Лондоне? Там еще присутствовала миссис Джеймс.

– Ну надо же! – прикидываюсь я удивленным. – Так и есть! Конечно, конечно! Что за встреча! Проклятье, вот уж чего не ожидал... Да, барон, я так рад видеть вас. Да... хм. Надеюсь, миссис Джеймс поживает неплохо?

– А я думал, об этом стоит спрашивать у вас, – отвечает он с ехидной улыбкой. – Я не встречал эту... леди с того самого вечера.

– Неужели? Так, так... Я и сам уже давненько ее не видел, – я старался быть любезным и предать прошлое забвению, если ему будет угодно. Он стоял, улыбаясь одними губами, и изучающее смотрел на меня.

– Знаете, – говорит он наконец. – Мне кажется, я видел вас раньше, только не могу вспомнить где. Это необычно, учитывая мою великолепную память. Нет, нет, не в Англии. А вы, случайно, не бывали в Германии?

Я покачал головой.

¹⁴ Данное Флэшменом описание Бисмарка существенно отличается от привычного портрета Железного Канцлера, но вполне согласуется с деталями его ранней биографии, редко извлекаемыми на свет исследователями. Склонность Бисмарка к жестоким шуткам, грубые манеры на публике, распутство, кутежи, вызывающее поведение (скажем, привычка палить из пистолета в потолок с целью известить приятелей о своем приходе), 25 дуэлей за время обучения на первом курсе Геттингенского университета – все это не слишком вписывается в образ непогрешимого государственного деятеля. Судя по всему, на деле Отто был весьма неприятным молодым человеком, развитым не по годам, зато циничным и надменным. Как и пишет Флэшмен, он был высок, строен и красив, с соломенного цвета волосами и аристократическими манерами. Что до его пребывания в Лондоне в 1842 году, то он действительно предпринял тогда длительную поездку по Британии, и даже получил замечание за то, что свистел в воскресный день в Лейте. По его словам, англичане ему понравились, уж по крайней мере одна прекрасная английская девушка, Лора Рассел, в которую он был безумно влюблен несколько лет, но которая разорвала помолвку и вышла за человека гораздо старше его. Не исключено, что это послужило причиной предубеждения в более поздние годы. (Комментарии редактора рукописи).

– Ну что ж, тогда это не представляет интереса, – холодно промолвил он, давая понять, что это я не представляю интереса, и отвернулся.

До этого момента Бисмарк мне не нравился, теперь же я его просто возненавидел, и решил, что если мне представится шанс, в свою очередь, дать ему почувствовать себя ничтожеством, то я этот шанс не упущу.

Том сказал, что Отто большой задавака, и за ужином это полностью подтвердилось. Компания, как вы можете себе представить, подобралась простая и душевная, чисто мужская, поэтому мы без всякого стеснения ели, пили, перебрасывались через стол репликами; все изрядно набрались и не обращали внимания на манеры. Бисмарк жрал как конь и пил не хуже, впрочем, внешних признаков опьянения не выказывал. За едой он говорил мало, но как только пошел по кругу портвейн, вмешался в беседу и вскоре совершенно завладел ей.

Должен признать, это человек не из тех, кого легко игнорировать. Вы скажете, что иностранцу пристало помалкивать да слушать, но это не о нем. Его манера заключалась в следующем: задать вопрос, получить ответ и затем вынести свое суждение. Так, он поинтересовался у Тома, на что похожа местная охота. Тот заметил, что это отличное занятие, и Бисмарк заявил, что намерен попробовать, хотя он и не сомневается, что охота на лис даже в подметки не годится травле кабанов, каковой ему приходилось заниматься в Германии. Имея дело с гостем, никто из нас не стал противоречить, мы только обменялись многозначительными взглядами; и он погнал дальше, распространяясь о том, как великолепна охота в Германии, и как прекрасен он сам, и как много мы теряем здесь, в Англии, из-за отсутствия диких свиней.

Когда он умолк, повисла тягостная тишина, которую Спиди нарушил своим замечанием о том, что мне приходилось охотиться на кабанов в Афганистане. Парни повернулись ко мне, рассчитывая, что я перехвачу разговор у Бисмарка, но не успел я и рта раскрыть, как тот спрашивает:

– В Афганистане? И какими же судьбами вас туда занесло, капитан Флэшмен?

При этих словах все так и рухнуло со смеху, а Том, стараясь не дать гостю почувствовать смущение, пояснил, что я воевал там и практически в одиночку выиграл войну. Он зря старался, поскольку Бисмарк и глазом не повел, наоборот – тотчас разродился пространной речью о прусской армии и всем таком прочем, о своей службе в чине лейтенанта, и том, как ему жаль, что в те годы было так мало возможностей, чтобы отличиться.

– Ну, – вмешиваюсь я, – в таком случае был бы рад уступить вам все опасности, что выпадают на мою долю, и милости просим.

Именно такого рода реплики народ обожает слышать из уст героев. Парни заржали, а Бисмарк нахмурился.

– Вы предпочитаете избегать опасностей службы? – удивился он.

– Ну, по крайней мере стараюсь, – говорю я, подмигивая Спиду. Если бы он только знал, как близко это к истине! – Черт побери эту рискованную, неприятную службу. Пули, клинки, ребята режут друг друга почем зря – никакого тебе покоя!

Когда стихли приступы хохота, Том пояснил, что я шучу: на самом деле Флэши – человек недюжинной отваги, не упускающий ни единого шанса сразиться и завоевать славу. Бисмарк выслушал все это, не сводя с меня ледяного взора, и тут, вы не поверите, принялся читать нам лекцию о солдатском долге, о благородной миссии службы Отечеству. Очевидно, он и сам в это верил, настолько торжественно звучали его слова, и только это помогало младшим из нас сохранять серьезное выражение на лицах. Бедолага Том очень переживал, как бы не оскорбить своего гостя, но в то же время Бисмарк его уже совсем достал.

– Господи, и почему дядя не подобрал кого-нибудь другого, чтобы наняться с ним? – поделился Том позже со мной и Спидикатом. – Видали вы большего зануду и осла? И как мне вести себя с ним, а?

Нам нечем было ему помочь – про себя я решил держаться подальше от Бисмарка. Он нервировал меня: столько в нем было этого чертова превосходства. В одном Том ошибся: кем-кем, но ослом Бисмарк не был. В нем было что-то общее с тем непревзойденным идиотом – Кардиганом, под началом которого мне пришлось служить в Одиннадцатом гусарском, но сходство это было поверхностным. Та же надменная убежденность в правоте всего, что он говорит и делает; такой человек взирает на мир так, будто тот создан исключительно для него одного. Он прав, и все тут. Но если под блестящим обличем Кардигана прятался прирожденный тупица, то с Бисмарком было не так. Внутри него скрывался глубокий ум, и тот, кто слышал в его речах лишь монотонные проповеди и подмечал только отсутствие юмора – юмора в нашем понимании слова – и потому почитал его напыщенным дураком, – тот очень сильно заблуждался.

Я старался не пересекаться с ним, но за время краткого визита к Тому Бисмарк все же дважды зацепил меня, и оба раза, кстати, именно в тех вещах, в которых я знаю толк. Будучи по жизни подлецом и трусом, я тем не менее наделен двумя талантами: способностью к иностранным языкам и верховой езде. Я могу в кратчайший срок овладеть практически любым языком, и оседлать любое существо, у которого имеется хвост и грива. Оглядываясь назад, я прихожу к выводу, что Бисмарк почуял во мне эти таланты, и решил уязвить меня именно в них.

Уж и не припомню как, но однажды за завтраком зашел разговор об иностранных языках – обычно темой служили женщины, вино, лошади и кулачные бои, ну, иногда еще такие высокие материи, как возмутительная ставка налога в семь шиллингов с фунта.¹⁵ Но так случилось, что упомянули и о моей одаренности. Откинувшись в кресле, Бисмарк с ироничным смешком заявил, что этот талант очень полезен для метрдотелей.¹⁶

Я разозлился, попытался придумать какой-нибудь остроумный ответ, да так и не сумел. Потом мне пришло в голову, что можно было многозначительно на него посмотреть и заявить, что это также полезный талант для немецких сводников, но было уже поздно. Кроме того, никогда нельзя быть уверенным, стремится ли Отто поддеть тебя или просто озвучивает свои мысли, так что я просто решил не обращать на него внимания.

Второй случай произошел в день, когда после не слишком удачной охоты мы возвращались домой. Конингем притормозил на вершине небольшого холма, откуда открывался вид на пересеченную местность, на мили протянувшуюся во всех направлениях, и указал на церковь, размытые очертания которой виднелись сквозь предзакатное марево.

– Кто за стипльчез? – спрашивает он.

– Уф, я так устал, – отвечает Том. – Кроме того, скоро стемнеет, и животные могут споткнуться. Я за возвращение домой.

– Стипльчез? – говорит Бисмарк. – А что это?

Ему объяснили, что нужно скакать, не разбирая дороги, прямо к шпилью. Он кивнул и заявил, что это превосходный спорт.

– Вот это молодец! – вопит Конингем. – Вперед, ребята! Флэши, ты в игре?

– Слишком далеко, – ворчу я. Как и Тому, мне не доставляла удовольствия перспектива скакать через изгороди по мокрой траве, да еще в наступающих сумерках.

¹⁵ Введение Пилем в 1842 году налоговой ставки в размере семи шиллингов с фунта на доход свыше 150 фунтов было расценено как из ряда вон выходящее событие. Лорд Бругам возмущался (всем нам теперь известно, с каким успехом), что ... «такая ставка не может считаться обычным налогом... но положит конец любым колебаниям человека, склонного уклоняться от налогообложения». (*Комментарии редактора рукописи*).

¹⁶ Бисмарка считали человеком мудрым, и, как большинство мудрецов, он имел склонность цитировать себя самого. Его замечание про то, что способность к языкам – очень полезный талант для метрдотелей, попала также в мемуары принца фон Бюлова, где тот поясняет, что Бисмарк любил использовать это выражение, когда речь заходила об одаренных молодых дипломатах. (*Комментарии редактора рукописи*).

– Чепуха! – заявляет Бисмарк. – Как, джентльмены, неужто англичане спасуют в своем же собственном спорте? В таком случае, маркиз, остаемся мы с вами?

– Вперед! Талли-ху! – завопил Конингем, и, естественно, остальные ослы помчались за ним. Мне не к лицу было отступать, так что, кляня Бисмарка почему зря, я прищпорил коня и тоже поскакал.

Конингем и следующий за ним по пятам Бисмарк повели стремительную скачку через луга, но пара изгородей задержала их, и мы быстро сели им на хвост. Я держался чуть-чуть позади, поскольку стипльчез в стиле всех этих старомодных сорвиголов, готовых рисковать своей шкурой где только представится возможность – это самый верный из известных мне способов свернуть шею. Если ты внимательно следишь за местностью и наблюдаешь, как прыгают и приземляются лидеры, то можешь пожать все плоды их открытий без риска совершать их самому. Так я проскакал с приятной легкостью с милую или около этого, и вот мы въехали в небольшой лесок с редко стоящими деревьями. Тут я прищпорил своего гунтера и прибавил ходу.

Бывают моменты, которые знакомы каждому наезднику: когда чувствуешь, как твой конь мчится вперед, а ты пригибаешь голову к его гриве и видишь, как перед тобой возникает ров, но знаешь, что тебе все по плечу. Это я чувствовал в тот миг, когда летел за толпой, слыша стук копыт и видя взлетающие из-под них куски влажного торфа, ощущая бьющий в лицо ветер; как сейчас вижу в свете заката алые сюртуки, чувствую запах пропитанной дождем почвы и слышу крики товарищей, подбадривающих друг друга смехом и ругательствами. Боже! Как тогда было здорово – быть молодым, да еще и англичанином!

Мы пронеслись сквозь лесок как отряд атакующих драгун и выскочили на затяжной, идущий вверх склон. До его вершины лидировал Конингем, но как только мы помчались под уклон, пришло время более тяжеловесных парней. Бисмарк обогнал его, я тоже; мы подлетели к живой изгороди. Бисмарк перелетел через нее как птица – ездить он умел, уж можете мне поверить – и я направил своего гунтера к тому же излому и махнул следом за ним. Так я скакал у него на хвосте: сквозь изгороди, заборы, кусты, канавы и рытвины, пока не увидел в полумиле перед собой шпиль. «Теперь, – думаю, – самое время высунуть вперед нос».

Я прибавил. Увидев меня рядом, Бисмарк повернул голову, приподнялся на стременах и взмахнул рукоятью хлыста, но я держался на расстоянии. Когда мы перемахнули через штакетник и оказались на выгоне, отделенном одной-единственной изгородью от пустыря, выходившего прямо к церковному двору, он держался на полкорпуса впереди. Я поравнялся с ним, потом вышел чуть-чуть вперед, приглядывая место для прыжка через изгородь. Она была не из лучших: высокие кусты боярышника перемежались растущими поодаль друг от друга деревьями, отбрасывающими длинные тени на зелень ограды. Было одно местечко, выглядевшее подходящим – боярышник рос там не так густо, и лишь пара жердей загораживала проем. Я дал лошади шенкелей и ринулся туда – кто перемахнет забор первым, тот наверняка победит. По мере приближения я, идя на полкорпуса впереди, сообразил, что прыжок над жердями должен быть добрых футов пять в высоту; мне это не шибко понравилось, не даром Хьюз пишет, что Флэшмен блистал только в тех играх, где не было никакого физического риска. Но ничего не поделаешь: Бисмарк поджимал, так что я стал готовить своего гунтера к прыжку. И тут, откуда ни возьмись, прямо у меня под локтем возникает серый Бисмарк, тоже заходящий на прыжок.

– Дорогу! – ору я. – Это мой прыжок, лопни твои глаза!

Бог мой, он даже бровью не повел, продолжая переть стремя в стремя со мной прямо к изгороди.

– Отвали, черт тебя побери! – снова завопил я, но он только смотрел вперед, стиснув зубы и работая плеткой, и до меня дошло, что нужно осаживать, или же, если мы попытаемся

вместе прыгнуть там, где место только для одного, нас ждет жесточайшее столкновение. А раз так, остается только шаг, чтобы переломать все кости; я натянул поводья и одновременно попытался отвернуть от изгороди. Гунтер осадил, и мы проскользнули вдоль изгороди, отделившись несколькими царапинами, а мистер Бисмарк тем временем с легкостью перемахнул через жерди.

Пока я объезжал забор, ругаясь почему зря, подросла остальная кавалькада; Бисмарк, спокойный и довольный собой, поджидал нас у ворот церковного кладбища.

– Разве вам не известно, что идущего впереди нужно пропускать? – говорю я, кипя от злости. – По вашей милости мы могли бы переломать себе шеи!

– Ну же, ну, капитан Флэшмен, – отвечает он. – Если это случилось бы, то благодаря вам: с вашей стороны глупо было бросать вызов лучшему наезднику.

– Что? Какого черта вы сочли себя лучшим наездником?

– Я ведь победил. Не так ли?

С уст моих готово было сорваться замечание, что он выиграл нечестно, но тут с радостными воплями подскakали остальные и стали поздравлять его с прекрасной гонкой, и я счел за лучшее промолчать. Он весьма вырос в их глазах. «Чертовски отчаянный парень!», кричали они и хлопали его по спине. Так что я ограничился предложением, что прежде чем в следующий раз участвовать в гонках в Англии, ему стоит выучить правила верховой езды. Остальные весело заржали:

– Точно, Флэш, черт побери! – и принялись подшучивать над моим вспыльчивым характером. Они находились слишком далеко, чтобы разглядеть, как все было, и никто из них даже представить себе не мог, что сорвиголова Флэшмен мог пойти на попятный, но Бисмарк-то знал, и это читалось в его глазах и холодной улыбке.

Но я сквитался с ним еще до конца недели, и если первоначальное мое хамство в Лондоне заронило между нами искорку вражды, то именно этот случай раздул ее в настоящее пламя.

Произошел он накануне отъезда, после того, как мы посмотрели бой между Ником Уордом, чемпионом, и местным боксером. Матч получился на славу: здешнему парню сломали нос и вышибли половину зубов; Бисмарка это весьма заинтересовало, он наблюдал за избиванием бедолаги с не меньшим наслаждением, чем я.

Вечером за ужином разговор, естественно, зашел о боксе, и первую скрипку играл старший Джек Галли, о котором я упоминал. Вообще-то Джек был не самый разговорчивый человек, даром что член парламента, но заведи он речь о двух своих пристрастиях: призовых боях и лошадках – любо-дорого послушать. Хотя прошло уже лет тридцать, как ему последний раз приходилось выходить на ринг – и с момента своего ухода он достиг процветания и был хорошо принят в лучших кругах – Джек знал все о лучших боксерах, и мог без конца рассказывать о таких гигантах, как Крибб, Белчер или Бойцовый Петушок.¹⁷

¹⁷ Джон Галли (1783–1863) был одним из самых известных и уважаемых чемпионов в истории кулачных боев. Будучи сыном мясника из Бата, он настолько неудачно повел отцовский бизнес, что попал в долговую тюрьму. Во время пребывания в Кингс-Бенч его посетил знакомый, Генри «Бойцовый Петушок» Пирс, тогдашний чемпион Англии. В товарищеском поединке в камере Галли держался так хорошо, что спортивные воротилы оплатили его долги и выставили против Пирса в матче за титул чемпиона в Хэйлшем, графство Сассекс. Это было за две недели до Трафальгарской битвы. Перед огромным собранием зрителей, в числе которых были Бо Бруммель и герцог Кларенс (будущий король Уильям IV), Пирс с трудом одолел Галли в шестидесяти четырех раундах. Ходили слухи, что Галли был сильнее чемпиона, но не захотел унижать своего благодетеля. Это маловероятно. Тем не менее Галли завоевал титул два года спустя, одержав решительную победу над Бобом Грегсоном, «Ланкаширским Великаном», и ушел из бокса в возрасте всего лишь двадцати четырех лет. Он сделал состояние на скачках, владея несколькими знаменитыми скакунами, а также на вложениях в уголь и земли. С 1832 по 1837 год он являлся членом Парламента от Понтефракта, был дважды женат и имел 24 детей. Нарисованный Флэшменом портрет Галли согласуется с современными ему описаниями благородного, спокойного гиганта ростом в шесть футов, являвшегося одним из самых искусных и неудержимых бойцов «золотого века». «В душе у него, – пишет Нэт Флейшер, – жило стремление прибиться к благородному сословию. Он не сыграл большой роли в истории профессионального бокса и

Разумеется, вся компания готова была слушать его всю ночь на пролет – не думаю, что в Англии найдется другой человек – Пиль, Рассел или еще кто – способный так завладеть всеобщим вниманием, как этот невозмутимый старый чемпион. Ему тогда было уже под шестьдесят, он был седой как лунь, но по-прежнему подвижен как блоха, и стоило заговорить о боксе, как Джек буквально загорался и возвращался к жизни.

Бисмарк, как я заметил, не слишком внимательно слушал, но когда Джек сделал паузу, наш немец вдруг заявляет:

– Похоже, вы придаете этому боксу слишком большое значение. Ну да, достаточно любопытно глядеть, как двое простолудинов молотят друг кулаками, но разве со временем это не надоедает? Ну раз, ну два, можно и посмотреть, но не сомневаюсь, что люди образованные и благородные презирают этот спорт.

За столом раздался ропот.

– Вы этого не понимаете, потому что вы иностранец, – говорит Спиди. – Это развлечение наше, английское. Вот в Германии, судя по вашим рассказам, парни дерутся друг с другом на дуэли вовсе без намерения убить, а только чтобы разукрасить шрамами свои лица. Мы, англичане, позвольте заметить, тоже не видим в этом особого смысла.

– Шлагер¹⁸ одаряет мужчину почетными шрамами, – говорит Бисмарк. – А что за честь в том, чтобы побить противника кулаками? Кроме того, наши дуэли только для джентльменов.

– Что касается этого, минхер¹⁹, – улыбается Галли, – то в нашей стране джентльмены не стыдятся пускать в ход кулаки. Я разбогател бы, плати мне гинейю за каждую дворянскую башку, которую я угостил своим прямым левой.

– Моя всегда в твоём распоряжении, Джек, – восклицает Конингем.

– Но упражнения со шлагером относятся к воинскому искусству, – продолжает гнуть свое Бисмарк, пристукнув кулаком по столу.

Эге, смекаю я, ну и дела. Неужто наш прусский друг выпил больше обычного? Выпи-воха он был знатный, должен признать, но, видно, в тот вечер что-то пошло не так.

– Если вам кажется, дружище, что в боксе не требуется искусства, тот тут вы попали пальцем в небо, – говорит один из гостей, угрюмый гвардеец по имени Споттсвуд. – Разве вы сегодня не видели, как Уорд сделал отбивную из парня, который на три стоуна тяжелее его самого?

– А, этот ваш Уорд силен и быстр, – кивает Бисмарк. – Но скорость и сила – вот и все, что нужно. Я не заметил ни грана искусства в этой драке.

И он допил до дна свой бокал, словно подводя черту этому спору.

– Ну, сэр, – говорит с улыбкой старина Джек, – искусства там немало, можете поверить мне на слово. Вы не видели, потому что не знали, как смотреть, так же как я не понял бы, в чем соль этих ваших шлаг-бах-маг... или как там их называют.

– Еще бы, – кивает Бисмарк. – Вы бы точно не поняли.

И что-то в его голосе заставило Галли пристально посмотреть на немца, хоть он и не произнес ни слова. Тут Том Персевал, чувствуя, что не миновать беды, если не поменять тему разговора, начал толковать про охоту, но я-то разглядел шанс окунуть этого надутого пруссака, и вмешался.

– Вы, возможно, полагаете, что боксировать – это просто? – говорю я Бисмарку. – А вот сами вы смогли бы устоять в схватке?

Он пристально посмотрел на меня через стол.

его скромных приверженцев». Флейшер, возможно, прав, заявляя так, но, кстати сказать, Галли никогда и не был профессиональным боксером. (Комментарии редактора рукописи).

¹⁸ Шлагер – рапира с большой гардой, использовавшаяся в Германии для студенческих дуэлей.

¹⁹ Минхер (*mynherr*) – искаж. от немецкого «*mein Herr*» – «мой господин».

– Против одного из тех деревенщин? – говорит наконец. – Приличествует ли джентльмену касаться этих людей?

– У нас в Англии рабов нет, – говорю я. – Из сидящих за этим столом никто не почтет за оскорбление сразиться с Ником Уордом – скорее для нас это честь. Но в случае с вами... Может, если бы нашелся какой-нибудь немецкий барон-спортсмен, прикосновение к которому не запятнало бы вас?

– Перестань, Флэш, – говорит Персевал, но я продолжал гнуть свое.

– Или, может, кто-нибудь из присутствующих здесь джентльменов? Готовы вы провести раунд-другой с кем-нибудь из нас?

Его ледяные глаза буквально вонзались в меня, но я не отвел взгляда, так как понимал, что зацепил Бисмарка. Он поразмыслил немного, потом говорит:

– Это вызов?

– О Боже, нет, – говорю я. – Просто вы сочли наш старинный добрый спорт простой дракой, и я хочу показать вам разницу. Если бы мне предложили, я бы с удовольствием попробовал себя в этом вашем искусстве шлагеров. Ну а вы что скажете?

– Вижу, вам не терпится отомстить за те скачки, – с улыбкой говорит он. – Хорошо, капитан, я попробую побоксировать с вами.

Полагаю, он держал меня за труса, не годного на серьезное дело, и был в этом совершенно прав, а еще считал – как большинство дилетантов – что бокс требует только грубой силы, и вот тут весьма заблуждался. Еще он сделал вывод, что по большей части это борьба, в которой он, без сомнения, имел кое-какой опыт. И вдобавок прикинул, что силой и массой ничуть не уступит мне. Но у меня имелся для него сюрприз.

– Не со мной, – говорю. – Я не Ник Уорд. Кроме того, я имею в виду не месть, а науку, а лучший учитель в целом свете сидит буквально в десяти футах от вас. – И я кивком указал на Галли.

Все мое намерение заключалось в том, чтобы выставить Бисмарка дураком, а Галли был способен сделать этой одной левой, потому мой выбор и пал на него. Я даже не надеялся, что Галли нанесет ему травму, ибо как большинство чемпионов, старина Джек принадлежал к породе добрейших и безобиднейших идиотов. И впрямь, услышав мое предложение, он залился смехом.

– Господи, Флэш, – говорит Джек. – Тебе же известно, сколько я привык получать за каждый выход на ринг? А теперь ты решил поглядеть на это задаром, проныра!

Но Бисмарк не смеялся.

– Дурацкое предложение, – отрезал он. – Мистер Галли слишком стар.

Улыбка исчезла с лица Галли как по волшебству.

– Ну погодите-ка, минхер, – вскинулся он, но я снова опередил его.

– Так вот в чем дело? – говорю. – Значит то, что он профессионал, вас не слишком смущает?

Все, естественно, загалдели, но голос Бисмарка перекрыл всех.

– Мне все равно, профессионал он или нет...

– А может, загвоздка в том, что он некогда сидел в тюрьме? – продолжаю я.

– ... я лишь отмечаю факт, что он гораздо старше меня. А что до тюрьмы, то какое это имеет отношение к делу?

– Ну, вам-то лучше знать, – не унимаюсь я.

– Ну же, проклятье, покончим с этим, – вмешивается Персевал. – Какого черта, Флэши?

– Ах, я так устал от его манер, – отвечаю я, – и его насмешек над Джеком. Конечно, от твой гость, Том, но не стоило ему заходить так далеко. Пусть покажет на что способен или пусть заткнется. Мое предложение простое: пускай он простоит раунд против настоящего

боксера, и поймет, что все его насмешки мимо цели. И пусть не задирает нос, что Галли-де недостаточно хорош для него. Это еще неизвестно, кто для кого недостаточно хорош.

– Недостаточно хорош?! – взревел Джек. – Что за ...

– Никто не говорил ничего подобного, – говорит Том. – Флэши, не знаю, к чему ты клонишь, но...

– Намерение капитана Флэшмена состоит в том, чтобы вывести меня из себя, – говорит Бисмарк. – Оно не увенчалось успехом. Единственный мой довод против боя с мистером Галли состоит в его преклонном возрасте.

– Значит, в возрасте, говоришь, – заявляет Джек, багровея от ярости. – Я не настолько стар, чтобы не суметь указать свое место тому, кто забыл где оно!

Его утихомирили. Поднялся всеобщий шум-гам, в результате которого большинство присутствующих, хоть и будучи навеселе, уразумело, что я в дружеской форме предложил Бисмарку выстоять раунд против Галли, а тот оскорбил старину Джека своим высокомерием. Порядок взялся навести Споттсвуд, заметивший, что причины для ссоры и обид нет.

– Вопрос в том, желает ли барон испытать свои силы в товарищеском поединке? Вот и все. Если да, то Джек готов помочь в этом. Не правда ли, Джек?

– Нет, – говорит Джек, уже овладевший собой. – Ей-богу, я уже лет тридцать не выходил на ринг. К тому же мне не ясно, – добавляет он с улыбкой, – желает ли наш гость выходить против меня?

Бисмарк окинул его высокомерным взглядом, но Споттсвуд настаивал.

– Ну же, Джек, если ты проведешь с ним пару раундов, я продам тебе Раннинг Риббонса.

Как вы догадались, он знал слабое место Джека: Раннинг Риббонс был родным братом Раннинг Рейнса, и отличным ходок. ²⁰ Джек хмыкнул, но продолжал отнекиваться: мол, его боксерское прошлое осталось далеко позади. Парни, видя его колебания и подогреваемые перспективой увидеть в деле знаменитого Галли (да еще и угостить выскочку Бисмарка оплеухой-другой), надели на него, похлопывая по плечу и подбадривая возгласами.

– Ну ладно, ладно, – говорит Джек, дурное настроение которого улетучилось. – Раз вы так настаиваете, то вот что нужно сделать. Дабы убедить барона в том, что в боксе больше настоящего искусства, чем может показаться на первый взгляд, я встану напротив него, опустив руки, и пусть он попробует нанести мне несколько ударов в лицо. Что вы на это скажете, сэр?

Немец, сидевший с презрительным видом, был, похоже, более заинтересован, чем старался показать.

– Вы хотите сказать, что позволите бить вас и даже не станете защищаться?

Джек хмыльнулся.

– Я сказал, что дам вам попробовать ударить, – говорит он.

– Но ведь я обязательно вас ударю, если только вы не убежите прочь.

– Боюсь, вы еще не слишком преуспели в нашем языке, – отвечает Джек с улыбкой, но только на губах. – Во всяком случае, с выражениями «слишком стар» и «убегать прочь». Не беспокойтесь, минхер, я не сойду с места.

²⁰ Упоминание Флэшмена про лошадь по кличке Раннинг Рейнс весьма любопытно. В мае 1844 г., полтора года спустя после описанных событий, победу на Дерби одержал скакун, записанный под именем Раннинг Рейн, на проверку оказавшейся четырехлетней по кличке Маккавей. Лошадь была дисквалифицирована, но только после скандала с участием высших кругов (Вуд против Пиля), и стала темой оживленных разговоров по всему спортивному миру. Главный подозреваемый, Абрахам Леви Гудмен, покинул страну, Маккавей исчез бесследно. Но был ведь и настоящий Раннинг Рейн, представление которого в 1843 году дало почву для подозрений. Упоминание Флэшмена о Раннинг Рейне (то, что он называет его Рейнс – очевидная неточность), дает понять, что конь уже тогда приобрел известность, правда, не вполне здоровую. Анналы скачек тех лет не содержат, впрочем, упоминаний про Раннинг Риббонс, так что Споттсвуд, надо полагать, делал Галли не слишком большое одолжение, предлагая продать коня. *(Комментарии редактора рукописи).*

Началась суматоха – чтобы расчистить место для представления, стол придвинули к стене, ковер скатали, всю мягкую мебель разнесли по углам. Один Персевал не радовался:

– Это неприемлемо по отношению к гостю, – говорит он. – Мне это не нравится. Ты же не повредишь его, Джек?

– С его головы и волос не упадет, – отвечает Галли.

– Разве что его спесь слегка пострадает от открытия, что не так-то легко быть настоящим боксером, как ему это кажется, – фыркает Спиди.

– И это мне тоже не нравится, – вздыхает Персевал. – Получается, что мы выставляем его дураком.

– Ну не мы, – говорю, – он сам так хочет.

– И это послужит немецкому пустозвону хорошим уроком, – вставляет Споттсвуд. – Кто он такой, чтобы учить нас, а?

– Но мне все равно не нравится, – говорит Персевал. – Черт тебя побери, Флэши, это все твои проделки.

И он, нахмурившись, отошел в сторону.

В другом углу комнаты Конингем и еще несколько человек помогали Бисмарку снять шورتук. Вам может показаться, что он недоумевал, как его угораздило в это вляпаться, но немец старался держать хорошую мину на лице, изображая интерес и веселье. Ему закрепили перчатки, как и Джеку, и объяснили, что он него требуется. Споттсвуд вывел обоих на середину комнаты, где была проведена мелом черта, и держа их за руки, призвал всех к тишине.

– Это не обычная схватка, – говорит он («Позор!» – закричал кто-то). – Нет, нет, это только товарищеский матч во имя спортивного духа и дружбы между нациями. («Ура!», «Правь, Британия!»). Наш добрый друг, Джек Галли, чемпион среди чемпионов (звучное «ура», на которое Джек отвечает улыбкой и подпрыгиванием) любезно предлагает герру Отто фон Бисмарку выступить против него и попробовать попасть в противника ударом в голову или в корпус. Мистер Галли также обещает не наносить ответных ударов, но ему дозволяется использовать руки для защиты и блокировки. Я стану рефери («Позор!», «Гляди за ним, барон, это мошенник!»), по моей команде бойцы начинают и прекращают схватку. Все согласны? Тогда, барон, можете наносить любые удары выше пояса. Готовы?

Споттсвуд отступил назад, оставив соперников стоять друг против друга. Странное было зрелище: от яркой люстры было светло как днем; свет падает на зрителей, пристроившихся у сдвинутой к стенам мебели, на висящие над их головами охотничьи трофеи, на до блеска натертый пол, на серебряную посуду и бутылки, стоящие на заляпанной вином скатерти, и на две фигуры, расположившиеся лицом к лицу у меловой черты. За всю историю бокса никто не видел более странной пары.

Бисмарк в рубашке, брюках и лакированных туфлях, дополненных боксерскими перчатками на руках, возможно, и чувствовал себя не в своей тарелке, но держался молодцом. Высокий, прекрасно сложенный, гибкий как рапира, с русыми волосами, он напомнил мне картинки могучих скандинавских богов. Губы сжаты, прищуренные глаза пристально изучают противника.

Галли же... Ох, этот Галли! Мне доводилось видеть Мейса, Большого Джека Хинена и маленького Сэйерса, я смотрел, как Салливан побил Райана (и при этом я выиграл у Оскара Уайлда десять долларов), но сомневаюсь, что кто-то из них мог бы устоять против Галли в лучшие его годы.²¹ Теперь лучшие годы остались позади, но стоило мне увидеть его, почти

²¹ Джон Л. Салливан стал первым общепризнанным чемпионом в тяжелом весе, побив Пэдди Райана в девяти раундах 7 февраля 1882 г. в Миссисипи-Сити. Сообщалось, что в числе зрителей находились Генри Уорд Бичер, почтенный Т. де Витт Толмейдж и Джесси Джеймс. (*Комментарии редактора рукописи*).

шестидесятилетнего, стоящего напротив Бисмарка, и этого было довольно. Как большинству трусов, мне присуще некое неосознанное преклонение перед истинно отважными людьми, при всем их идиотизме; и я способен получать академическое наслаждение при виде настоящего искусства, если оно не направлено против меня, конечно. Галли был истинно отважен и невероятно искусен.

Он стоял на носках ног, низко опустив голову и руки. На смуглом лице по-прежнему светилась легкая улыбка, а глаза пристально наблюдали за Бисмарком из-под густых бровей. Вид у него был спокойный, уверенный и несокрушимый.

– Бокс! – вскричал Споттсвуд, и Бисмарк взмахнул правым кулаком. Джек слегка изогнулся и удар прошел мимо его лица. Бисмарк пошатнулся, вызвав чей-то смешок, потом ударил еще, правой и левой. От правой Джек ушел, левую остановил ладонью. Бисмарк отступил на шаг, посмотрел на противник, и ринулся вперед, целя Джеку под дых, но тот лишь немного развернул корпус, и немец пролетел мимо, молотя воздух.

Все орали и смеялись; Бисмарк развернулся, он был бледен, губа закушена. Джек, словно и не сдвинувшийся с места, с любопытством посмотрел на него, приглашая продолжить атаку. Бисмарк постепенно пришел в себя, вскинул руки и выбросил вперед левую так, как видел сегодня на боксерском поединке. Джек отдернул голову и немного скакнул вперед, заставляя правый кулак Бисмарка также пройти мимо цели.

– Хорошая работа, минхер, – воскликнул Галли. – Это было недурно. Левая, потом правая: то что нужно. Попробуйте еще раз.

Бисмарк попробовал раз, потом другой, и в течение трех минут Джек уклонялся, подныривал или блокировал удары открытой ладонью. Бисмарк продолжал молотить, но ни разу так и не попал, к вящему удовольствию ревущих от восторга зрителей.

– Время! – воскликнул наконец Споттсвуд, и немец остановился; грудь его вздымалась и опадала, лицо покраснелось от усилий. Джек же стоял, как ни в чем не бывало, на том самом месте.

– Не принимайте близко к сердцу, минхер, – говорит он. – Ни один из них не сумел бы лучше, а большинство и так бы не смогло. Вы быстры, и можете еще ускориться, а двигались просто отлично для новичка.

– Ну, теперь-то вы убедились, барон? – спрашивает Споттсвуд.

Бисмарк, переводя дыхание, отрицательно затряс головой.

– Это искусство, должен признать, – говорит он, после чего все разразились насмешливыми возгласами. – Но я был бы очень признателен, – тут Бисмарк повернулся к Джеку, – если бы вы дали мне попробовать еще раз, но при этом сами постарались ударить меня в ответ.

При этих словах все идиоты завопили, что он настоящий игрок и спортсмен, а Персевал потребовал немедленно прекратить схватку. Но старина Джек заявляет со своей хитрой усмешкой:

– Нет, нет, Том. В этом парне больше от настоящего боксера, чем в любом из вас. Я бы тоже не стал драться с человеком, который не может ударить в ответ. Я буду осторожен, зато когда он вернется домой, то сможет заявить, что участвовал в настоящей схватке.

И они продолжили; Джек теперь двигался, легкий как танцор, несмотря на свои годы, и хлопал перчаткой то по лицу, то по корпусу Бисмарка, тот же по-прежнему без толку махал кулаками. Я подбадривал его при каждом промахе, желая дать ему понять, каким ослом он выглядит, и Бисмарк распалялся все сильнее, стремясь достать Джека, но старый чемпион кружил и уклонялся, оставляя немца с носом.

– Ну, хватит, – воскликнул кто-то. – Довольно, парни, давайте лучше выпьем!

Несколько голосов поддержали призыв, и Джек опустил руки, глядя на Споттсвуда. Но Бисмарк кинулся на него, и Джек, останавливая его левой, стукнул немца немного сильнее, чем рассчитывал, раскрыв ему нос.

Бисмарк замер, и Джек, побледнев, бросился к нему с извинениями. Но ко всеобщему изумлению Бисмарк кинулся на противника, обхватил его за талию, сбил с ног и повалил на пол. Джек приземлился с ужасным грохотом, стукнувшись головой об пол. Все вскочили, вопя и горлая. Кто-то кричал: «Нечестно!», кто-то аплодировал немцу – это были самые хмельные – но когда Джек замотал головой и тяжело поднялся, наступила тишина.

Галли выглядел потрясенным и разгневанным, но держал себя в руках.

– Так-так, минхер, – говорит он. – Не знал, что у нас допускаются захваты и подсечки.

Надо думать, с ним подобного никогда не случалось, и гордость старого бойца пострадала гораздо сильнее, чем его тело.

– Ладно, сам виноват, – продолжает он, – нужно было смотреть. Ну ладно. Можете похвастать, что свалили самого Джека Галли.

И он медленно обвел взглядом комнату, будто пытаясь прочесть мысли присутствующих.

– Думаю, нам лучше закончить, – заключает Джек.

– А не хотите ли продолжить, – восклицает Бисмарк. Выглядел он порядком измотанным, но обычная надменная нотка в голосе была тут как тут.

– Лучше не надо, – отвечает Галли после некоторого раздумья.

В комнате повисла напряженная тишина. Потом Бисмарк коротко рассмеялся и пожал плечами:

– Ну ладно, раз уж с вас довольно.

На щеках у Джека заалели два пятна.

– Полагаю, лучше остановиться, – говорит он хриплым голосом. – Если вы умный человек, минхер, то удовлетворитесь этим.

– Как хотите, – говорит Бисмарк, и добавляет к моему удовольствию: – Но это вы выходите из схватки.

Лицо Джека окаменело. Споттсвуд положил руку ему на плечо, а Персевал подскокил сбоку; прочие столпились вокруг, возбужденно тараторя. Бисмарк бросал вокруг себя взгляды, исполненные обычного самодовольства. Это переполнило чашу терпения Джека.

– Хорошо, – рявкает он, отталкивая Споттсвуда. – Уберите свои руки!

– Довольно! – кричит Персевал. – Все зашло слишком далеко.

– Ничего с меня не довольно, – заявляет Джек, ухмыляясь как висельник. – Я выхожу из схватки, да? Это он у меня сейчас выйдет, как пить дать!

– Ради Бога, парень, – говорит Персевал. – Вспомни кто ты, и кто он. Это же гость, иностранец...

– Иностранец, который нечестно повалил меня.

– Он не знал правил.

– Тем хуже.

– Это был честный прием.

– Ничего подобного.

Старина Джек тяжело дышал.

– Послушайте, – говорит он. – Допускаю: он не знал, что повалил меня нечестно, воспользовавшись моей неготовностью, пока я ему кларет из-под носа подтирал. Допускаю: он был зол и не соображал как надо, потому что я побил его. Я готов покончить на том и обменяться рукопожатием – но не допущу, чтобы он тут подбочивался и заявлял, будто я прошу его закончить бой. Такого мне никто не говорил – нет, нет, даже сам Том Крибб, ей-богу!

Все заговорили одновременно, Персевал старался растащить соперников и успокоить Джека, но большинству из нас нравилось, что недоразумение разрастается: не всякий раз удается посмотреть, как Джек Галли дерется по-настоящему, а судя по всему, он до этого дозрел. Том обратился к Бисмарку, но немец, презрительно ухмыльнувшись, только заявил:

– Я готов продолжать.

Сделав все возможное, Том вынужден был уступить, и вот соперников снова поставили друг против друга. Я, разумеется, ликовал: на такой оборот мне даже не приходилось рассчитывать, хоть и оставалось опасение, что добрый нрав Галли позволит Бисмарку отделаться лишь небольшой трепкой. Гордость старика была задета, но я подозревал, что этот прекраснодушный болван ограничится тем, что стукнет немца пару раз, доказав ему, кто тут главный, и на этом все кончится. Персевал, судя по всему, думал также.

– Полегче, Джек, Бога ради, – взмолился он, и бой начался.

Не знаю, на что надеялся Бисмарк. Он ведь был не дурак, и Галли уже показал, что способен сделать с ним что угодно. Могу только предположить – он рассчитывал снова сбить Галли с ног и был слишком самоуверен, чтобы прекратить схватку на почетных условиях. Как бы то ни было, немец ринулся вперед, раскинув руки. Джек стукнул его в корпус и когда, Бисмарк потерял равновесие, угостил его левой в голову, сбив с ног.

– Время! – кричит Споттсвуд, но Бисмарк ничего не слышал. Вскочив, он бросился на Галли и, ловко извернувшись, ухватил того за ухо. Джек пошатнулся, потом выпрямился и, словно инстинктивно, дважды врезал Бисмарку под дых. Тот свалился, хватая ртом воздух. Персевал кинулся вперед, вопя, что больше этого не потерпит.

Но немец поднялся и, переведя дыхание и подтерев текущую из носа кровь, выразил готовность продолжить. Галли отказался, но Бисмарк стал насмехаться над ним; в результате они сцепились снова, и Галли сбил его с ног.

Тот снова встал, и опять Галли заколебался, отказываясь продолжать, но стоило ему отвлечься, как Бисмарк бросился на него, схлопотал мощный удар в лицо и упал как подкошенный. Галли тут же принялся клясть себя безмозглым дураком и просить, чтобы Споттсвуд снял с него перчатки. Том помог Бисмарку подняться, демонстрируя всем его феноменально расквашенную физиономию. Поднялся гвалт; пьяные парни орали: «Позор!», «Остановите бой!» и «Врежь ему еще!». Персевал чуть не плакал от досады, а Галли забился в угол, твердя, что не хотел бить этого малого, но что еще оставалось делать? Побледневшего Бисмарка усадили в кресло, обтерли ему лицо и налили бренди. Звучали извинения и протесты; в конце концов Галли и Бисмарк пожали друг другу руки. Джек заявил, что как настоящий англичанин, он стыдится своего поведения и просит простить его. Бисмарк, чьи губы распухли и саднили после последнего удара Джека, а в аристократическом носу хлюпала кровь – я бы двадцать гиней не пожалел, лишь бы увидеть его сплюснутым в лепешку – заверил Галли, что это пустяки, и поблагодарил за урок. И добавил, что готов был продолжать, и что бой остановили не по его просьбе. При этих словах старина Джек засопел, но ничего не сказал, а Конингем, поддержанный остальными, завопил:

– Молодец, пруссак! Настоящий бойцовый петушок! Ура!

Это послужило сигналом к продолжению попойки. Дошло до того, что двое из компании, распаленные бойцовским задором, нацепили перчатки и стали шутки ради боксировать, но будучи во хмелю, сцепились всерьез и покатались по полу. Персевал не отходил от Бисмарка, бормоча извинения; последний только отмахивался и потягивал разбитым ртом бренди. Галли просто отошел к буфету и опрокидывал стакан за стаканом, пока не опьянел окончательно. Никогда раньше его не видели таким потрясенным и убитым, или пьяным до такой степени. Я знал, что с ним – ему было стыдно. Как это ужасно – иметь идеалы и совесть, не говоря уж о профессиональной гордости. Позже он мне признался, что предпо-

чел бы, чтобы его побили тогда – тогдашнее избиение Бисмарка есть «самое постыдное из всех моих дел за всю жизнь», сказал Джек.

А вот я бы гордился, окажись на его месте: у этого немецкого выскочки ни одного целого зуба не осталось бы. Пользуясь случаем, когда разгул достиг пика и шум стоял просто оглушительный, я как бы невзначай оказался рядом с креслом Бисмарка, с осторожностью потягивавшего бренди. Немец заметил меня, нахмурился, и говорит:

– Никак не могу понять вас, капитан. Вы меня интригуете. Но не сомневаюсь, что у меня еще будет случай заняться этим. Что ж, надеюсь, вас не разочаровало сегодняшнее представление?

– Могло быть и лучше, – говорю я, усмехаясь.

– Но даже так, ваш план сработал. Примите мои поздравления, – он потрогал разбитые губы и багровый нос. – Придет день, и я напомню вам про ваше обещание и покажу, что такое дуэль на шлагерах. Посмотрим, много ли удовольствия получите вы от нашего национального спорта.

– Полагаю, больше, чем вы от нашего, – рассмеялся я.

– Надеюсь, что так, – говорит он. – Только я не очень уверен.

– Отправляйтесь вы к черту! – говорю ему я.

Он отвернулся, и процедил сквозь зубы:

– Только после вас.

III

Одна из трудностей, с которой сталкиваешься, когда пишешь мемуары, состоит в том, что события в них не развиваются плавно, как в романе или пьесе. Я уже описал свою встречу с Розанной Джеймс и Отто, но до того момента, как в конце года мне попалось на глаза объявление в «Таймс» о ее разводе с капитаном Джеймсом, я, на протяжении нескольких месяцев, не слышал о ней ни слова. Что же до Бисмарка, то до очередной радости лицезреть его физиономию прошли годы, Впрочем, можно сказать, и пролетели.

Здесь придется пропустить несколько месяцев до моей новой встречи с Розанной, которая состоялась благодаря присущей мне долгой памяти и неодолимому желанию платить по старым счетам. В гроссбухе Флэши она проходила по графе «должники», и едва появился шанс сквитаться с ней, я тут же за него ухватился.

Случилось это следующим летом. Я все еще был в Лондоне, по официальной версии дожидаясь, пока дядя Биндли из Конной гвардии подыщет мне какое-нибудь местечко, а на деле слоняясь по городу и ведя развеселую жизнь. Она не была такой веселой, как прежде, поскольку хотя я все еще считался чем-то вроде идола в военных кругах, блеск моей персоны начал потихоньку меркнуть. Вчерашние герои быстро выходят из моды, и хотя мы с Элспет не испытывали недостатка в приглашениях в течение этого сезона, мне начало казаться, что принимают нас уже не так радушно, как раньше. Я уже не владел безраздельно вниманием присутствующих, кое-кто начинал морщиться, если мне доводилось упоминать про Афганистан, а на одной ассамблее до меня донеслись слова какого-то малого: ему-де уже настолько знаком каждый проклятый камень в форте Пайпера, что он мог бы водить экскурсии по этим развалинам.

Это я просто к слову, но в том одна из причин, почему жизнь в последующие месяцы казалась мне все более однообразной, и почему я с такой готовностью ввязался в представившуюся при первой возможности авантюру.

Уже точно и не помню, что именно привело меня тем майским вечером в один из театров на Хаймаркете: то ли это была актриса, то ли акробатка, за которой я тогда ухлестывал. Да, наверное, она. Как бы то ни было, я болтался во время репетиции среди гентов и мунеров и заметил женщину, упражняющуюся в танцах на другом конце сцены.²² Мое внимание привлекла ее фигура, поскольку на ней был обтягивающий костюм, который носят балерины; пока я восхищался ее ножками, она повернулась в профиль, и, к своему изумлению, я узнал Розанну.

У нее была новая прическа, с пробором посередине и перехваченным косынкой пучком на затылке, но лицо и фигуру я не мог не узнать.

– Классная штучка, а? – говорит один из мунеров. – Говорят, что Ламли – это ее менеджер – заплатил за нее целое состояние. Ей-богу, на его месте я, наверное, сделал бы то же самое.

Ого, думаю про себя, любопытно. И как бы невзначай спрашиваю у мунера, кто она такая.

– Как, вы не знаете? – восклицает он. – Это же новая танцовщица. Похоже, эта опера приносит не слишком много звона, так что Ламли выписал ее специально для танцевальных

²² Генты и мунеры. В 40-е годы девятнадцатого века термин «генты» применялся по преимуществу в отношении праздной молодежи среднего класса, подражавшей своим старшим братьям и носившей экстравагантную одежду. Мунерами называли людей постарше, проводивших досуг, глядя на витрины магазинов и шатаясь по городу. Флэшмен подразумевает, что оба этих типажа были гораздо ниже его по достоинству. (*Комментарии редактора рукописи*).

интермедий между актами. Считает, что она станет настоящим гвоздем программы, и, глядя на эти ножки, я готов с ним согласиться. Посмотрите-ка.

И он вручил мне отпечатанную афишу. В ней значилось:

ТЕАТР ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА

Особое представление

Мр. Бенджамин Ламли имеет честь сообщить,
что между актами оперы
донья Лола Монтеc из Театро Реаль в Севилье
будет иметь честь дать первое свое представление в Англии,
выступив с оригинальным испанским танцем
«Эль Олеано».

– Ну, разве она не прелесть? – заявляет мунер. – Боже, гляньте какие прыжки!

– Так это донья Лола Монтеc, значит? – говорю я. – И когда же она выступает?

– Премьера на следующей неделе. Не удивлюсь, если будет целое столпотворение. Ах, прекрасная Лола!

Так-так, я никогда не слышал о Лоле Монтеc, но чувствовал, что в этом деле стоит разобраться. Поболтав с одним-другим, я пришел к выводу, что благодаря настойчивому старанию Ламли, о его новом оригинальном приобретении уже судачит добрая половина города. Критики авансом расточали свои похвалы «прекрасной Андалузске», предрекая ей грандиозный успех, и никому не приходило в голову, что она вовсе не прирожденная испанка. Но я-то знал, поскольку был достаточно близок с Розанной Джеймс, чтобы не сомневаться.

Поначалу это меня просто развлекало, но потом мне пришлось в голову, что это небом данная возможность свести с ней счеты. Если разоблачить ее, открыв, кто она на самом деле, вот это будет удар! Будет знать, как метать во Флэшмена ночные вазы. Но как лучше это сделать? Я пораскинул мозгами, и в пять минут нашел способ.

Из наших разговоров в ту сладострастную неделю мне припомнилось имя лорда Ранелага, который уже в то время был одним из самых влиятельных парней в городе. Розанна любила болтать про своих воздыхателей, а он был среди тех, кого она отвергла, даже отшила, вернее сказать. Я знал его только понаслышке, поскольку он был жутко надменным и не водил знакомства даже с такими героями как Флэшмен, если они не принадлежали к высшему сословию. Но судя, по всему, лорд был первоклассной свиньей, а значит, именно тем, кто мне нужен.

Я проследил лорда до его клуба, проскользнул внутрь, когда швейцар зазевался, и разыскал Ранелага в курительной комнате. Он возлежал на кушетке, попыхивая сигарой и надвинув шляпу на брови. Я перешел прямо к делу.

– Лорд, Ранелаг, – говорю я. – Здравствуйте. Меня зовут Флэшмен.

Он чертовски надменно окинул меня взглядом из-под полей шляпы.

– Не имею чести знать, – говорит. – Всего хорошего.

– Нет, нет, вы меня знаете, – отвечаю я. – Гарри Флэшмен, к вашим услугам.

Лорд немного сдвинул шляпу на лоб и воззрился на меня, как на некую диковину.

– Ах, – фыркает он наконец, – Афганский воитель. И в чем же дело?

– Я взял на себя смелость обратиться к вашей светлости, – говорю, – так как у нас с вами имеются общие знакомые.

– Не уверен, – цедит он сквозь зубы, – что такие могут найтись. Разве что вы свели знакомство с кем-то из моих грумов.

В ответ я весело рассмеялся, хотя мне хотелось от души пнуть его ногой в аристократический зад. Но он был мне нужен, так что приходилось заниматься подхалимажем.

– Недурно, недурно, – щебечу я. – Однако речь идет о леди. И мне кажется, она вам безразлична.

– Вы что, сутенер, что ли? Если так, то...

– Нет, нет, милорд, вовсе нет. Но, возможно, вам доводилось слышать о миссис Джеймс, миссис Элизабет Розанне Джеймс?

Он нахмурился и стряхнул пепел со своей дурацкой бороды, спускавшейся до середины груди.

– Причем тут она, и что, черт побери, вас с ней связывает?

– О, совершенно ничего, милорд, – заверяю я. – Дело в том, что на следующей неделе она будет выступать на сцене Театра Ее Величества, замаскировавшись под знаменитую испанскую танцовщицу. Донья Лола Монтез, так она себя называет, и представляется уроженкой Севильи. Предерзостный подлог.

Лорд переваривал услышанное, я же наблюдал, как работает его грязный умишко.

– Откуда вы узнали? – говорит он.

– Видел ее на репетиции, – отвечаю. – И никаких сомнений нет – это Розанна Джеймс.

– И почему это должно меня заинтересовать?

Я пожал плечами, он же спросил, какую цель преследую я, сообщая ему про это.

– Ах, уверен, вам захочется попристутствовать на ее первом представлении – дабы засвидетельствовать свое почтение старой знакомой, – отвечаю я. – А коли так, я прошу вас предоставить мне место в вашей свите. По отношению к ней меня обуревают та же страсти, которую, без сомнения, испытывает и ваша светлость.

Он понял меня.

– А вы на редкость мерзкий тип, – говорит он. – Почему бы вам самому не развенчать ее – ведь именно этого вы добиваетесь, не так ли?

– Убежден, что ваша светлость наделена даром к таким вещам. Кроме того, вас все знают, в то время как меня... – Мне вовсе не хотелось оказаться в центре скандала, но в то же время я намеревался быть в первых рядах зрителей грядущей потехи.

– Значит, я должен сделать за вас грязную работу? Так, так...

– Вы пойдете?

– Вас это не касается, – говорит он. – Всего хорошего.

– Могу я прийти?

– Дорогой сэр, не в моих силах запретить вам ходить куда нравится. Зато строго-настрого запрещаю вам обращаться ко мне на публике.

И лорд повернулся на другой бок, спиной ко мне. Но я ликовал: он наверняка пойдет и развенчает «донью Лолу». У него имелся к ней свой счет, и к тому же он был из того сорта людей, которые способны на такие вещи.

Будьте уверены, как только фешенебельный сброд прибыл в следующий понедельник в театр Ее Величества, подкатили две кареты с лордом Ранелагом и его свитой. Я был тут как тут, встретив его у дверей. Лорд заметил меня, но ничего не сказал, и мне позволили пройти в большую ложу, снятую Ранелагом как раз напротив сцены. Некоторые из его друзей окинули меня высокомерными взглядами, и я скромно устроился в задней части ложи, в то время как его светлость вместе с приятелями расположились впереди. Они громко разговаривали и смеялись, чтобы все могли заметить, какие они невежи.

Общество собралось представительное – совсем не по масштабам оперы, которой оказался «Севильский цирюльник». Я был поражен рангом присутствующих: вдовствующая королева, разместившаяся в королевской ложе с парой иностранных князьков; старый Веллингтон, морщинистый, но зоркий, вместе со своей герцогиней; министр Бругам; баронесса Ротшильд; бельгийский посол граф Эстергази, и многие другие. В общем, все великосветские распутники тех лет, и я не сомневался, что в театр их привлекла совсем не музыка.

Гвоздем вечера была Лола Монтес, и весь партер говорил только о ней. Ходили слухи, что на частных вечеринках высшей испанской знати она танцевала нагишом, еще говорили, что ей одно время довелось быть первой красавицей турецкого гарема. О да, к моменту, когда открылся занавес, все пребывали в высшей степени возбуждения.

Не стану скрывать: в моем представлении лучшим театром является мюзик-холл – полуголые девицы и низкопробные комедии – вот мой стиль, а все эти ваши драмы и оперы наводят на меня смертную тоску. Так что «Севильского цирюльника» я нашел совершенно невыносимым: жирные итальянцы орут во все горло, а ни слова не понятно. Я малость почитал программку, и счел рекламные объявления намного более интересными, чем происходящее на сцене. «Анатомические дамские корсеты миссис Родд придадут вашей фигуре невероятную симметричность». «Да уж, – подумал я, – примадонна из „Цирюльника“ много выиграла бы от знакомства с изделиями миссис Родд». Еще расхваливались патентованные клизмы, которыми якобы пользовались все знаменитости во время путешествий. Не мне одному, как я подметил, опера показалась скучной: в партере раздавались зевки, а Веллингтон (сидевший рядом с нашей ложей) даже всхрапнул, пока герцогиня не ткнула его локтем в бок. Потом закончился первый акт, и после того, как смолкли аплодисменты, все затихли в ожидании. Оркестр заиграл бодрую испанскую мелодию, и Лола (или Розанна) в драматическом па выпорхнула на сцену.

Я не специалист по танцам: артистки, а не артистизм – вот что меня привлекает. Но мне показалось, что танцевала она чертовски здорово. Ее поразительная красота заставила партер затаить дыхание. На ней был черный лиф с таким низким вырезом, что груди ее постоянно подвергались риску выскочить наружу, а коротенькая алая юбочка демонстрировала ножки в самом выгодном ракурсе. Белоснежная шея и плечи, угольно-черные волосы, сверкающий взгляд, алые губы, сложенные в почти презрительную улыбку, – эффект был самый потрясающий и экзотический. Вам знакомы эти будоражащие испанские ритмы: она раскачивалась, изгибалась и отбивала чечетку с пленяющей страстностью, и зрители сидели ни живы ни мертвы. В ней одновременно читались и призыв и вызов: думаю, ни один цензор не смог бы счесть хоть один жест или па предосудительным, но общий эффект танца был именно таков. Она словно говорила: «Возьми меня, если посмеешь», и все мужчины в зале буквально раздевали ее глазами. О чем думали женщины, мне не известно, но полагаю, они столько же восхищались ею, сколь и ненавидели.²³

Когда она резко завершила танец, притопнув под финальный звон цимбал ножкой, театр взорвался. Зрители вопили и хлопали, она же застыла на секунду, словно статуя, гордо глядя на них, и упорхнула со сцены. Аплодисменты были просто оглушительными, но Лола так и не показалась, и под вздохи и стоны занавес раздвинулся. Начался новый акт оперы, и эти чертовы макаронники загорланили опять.

Все это время Ранелаг просидел в своем кресле, не сводя с нее глаз, но не произнес ни слова. На оперу он не обращал ни малейшего внимания, но когда Лола вышла исполнять второй танец, оказавшийся еще более зажигательным, нежели первый, лорд без стеснения стал пристально рассматривать ее через бинокль. Все, разумеется, делали то же самое в надежде, что ее лиф разойдется, и это, похоже, могло случиться в любой момент, но когда овация, еще более мощная, стихла, Ранелаг так и не опустил бинокля. Когда Лола исчезла, лорд озадаченно нахмурился. Дело шло к разоблачению, как пить дать, и когда она появилась, играя веером, в третий раз, я услышал, как Ранелаг сказал своему соседу:

– Смотрите за мной внимательно. Я кое-что скажу, и мы здорово повеселимся.

²³ Вопреки восторженной реляции Флэшмена, Лола Монтес вряд являлась выдающейся артисткой, хотя историк Вейт Валентайн пишет, что «ее грация тигрицы придавала андалузскому танцу вдохновение». (*Комментарии редактора рукописи*).

Она кружилась в танце, демонстрируя большую часть своих бедер, и изгибалась в такт движениям веера, и стоило ей закончить, как поднялась настоящая буря восторгов: на сцену полетели букеты, люди вскакивали с мест и аплодировали стоя. Лола в первый раз улыбнулась, и кланяясь и рассылая воздушные поцелуи, попятилась к кулисам. И тут из нашей ложи раздался оглушительный свист, и овация постепенно смолкла. Она повернулась и обратила в нашу сторону яростный взгляд, а поскольку свист становился все громче, остальной театр разразился криками возмущения. Зрители вытягивали шеи, стараясь понять, что происходит. Тут Ранелаг вскакивает – черная борода и элегантное пальто делали его фигуру весьма импозантной – и выкрикивает во весь голос:

– Это же сплошное надувательство, леди и джентльмены! Это не испанка Лола Монтеc. Это ирландская девка, ее зовут Бетси Джеймс!

На секунду воцарилась тишина, а потом началось светопреставление. Снова раздался свист, послышались крики «Обман!», «Жулье!», начались и затихли аплодисменты, галерея шикала и улюлюкала. В один миг настроение публики поменялось на противоположное: подхватив инициативу Ранелага и его клаки, зрители начали освистывать ее, на сцену полетели мелкие монеты. Дирижер, с раскрытым ртом наблюдавший за происходящим, бросил вдруг свою палочку и убежал. Вскоре весь театр вопил, топал и требовал вернуть деньги, злобно рекомендуя ей убираться назад, в родные болота Донегаля.

Лола буквально искрилась от ярости, и когда она направилась к нашей ложе, кое-кто из парней отступил назад, от греха подальше. Она остановилась; грудь ее бурно вздымалась, а глаза буравили ложу – да, да, Розанна наверняка узнала меня, и когда из ее уст полились ругательства, я понимал, что они предназначаются в равной степени и мне и Ранелагу. К несчастью, ругалась она по-английски, что завело толпу еще больше. Потом она бросила букет, который держала в руке, растоптала его и пинком отправила в оркестровую яму; изрыгнув в наш адрес последнее проклятье, Лола покинула сцену и скрылась за упавшим занавесом.²⁴

Должен признать, я был доволен: даже не предполагал, как здорово все получится. Когда все двинулись к выходу – про «Цирюльника», естественно, забыли – я протиснулся к Ранелагу и поздравил его. Мне не под силу было отплатить ей в таком блестящем стиле, в чем я ему и признался. Он удостоил меня холодного кивка и укатил прочь, напыщенный ублюдок, но я был не в том настроении, чтобы принять это близко к сердцу. Ведь это именно я поквитался с миссис Лолой за ее оскорбления и выходки, так что домой я отправился в самом распрекрасном настроении.

Само собой, с лондонской сценой для нее было покончено. Ламли расторг контракт, и хотя было еще несколько попыток пристроить ее в другие театры, ничего не вышло. Теперь очень многие узнавали в ней миссис Джеймс, и хотя она написала письмо в газету с опровержением этих слухов, никто ей не верил. Через несколько недель актриса пропала из поля зрения, и я полагал, что на этом участие Лолы Монтеc в моей жизни закончилось. И скатертью дорожка: великолепная в своем роде любовница, не стану отрицать, и даже сейчас, когда я вспоминаю ее голую в постели, во мне что-то екает – но особой симпатии я к ней не испытывал, поэтому был только рад, что она взяла, да и испарилась.

Но ставить на ней крест оказалось рановато. Хотя и прошло немало лет прежде чем я увидел Лолу снова – причем при самых невероятных обстоятельствах – время от времени в газетах мелькало ее имя. И всегда в разделе сенсаций: у нее, похоже, был просто талант вступать в разные громкие скандалы. Сначала была статья, как она отхлестала плетью поли-

²⁴ Отчет Флэшмена о провальной премьере Лолы в театре Ее Величества (3 июня 1843 г.) удивительно точен, не только в части описания демарша лорда Ранелага, но даже в таких деталях, как состав присутствующих и содержание программки (см. «Великолепная Лола» Уиндхема). Перед нами великолепный образчик способности Флэшмена служить источником правдивых сведений, и побуждает нас верить тем страницам его истории, которые в силу отсутствия данных из иных источников невозможно подвергнуть тщательной проверке. (*Комментарии редактора рукописи*).

цейского в Берлине, потом он танцевала на столе во время гражданского банкета в Бонне, к вящей ярости нашей королевы и принца Альберта, находившихся там с визитом. Потом давала представление в Париже, и когда публика не слишком тепло приняла ее, она сорвала с себя подвязки и чулки и запулила их на галерку. Потом Лола затеяла бучу на улицах Варшавы, и когда ее попытались арестовать, встретила ищеек выстрелами из пистолетов. Ну и конечно, была масса историй о ее любовниках, в большинстве своем высокопоставленных: вице-король Польши, русский царь (хотя насчет него я не уверен), композитор Лист.²⁵ Она сходилась с ним два или три раза, а однажды он сбежал: запер ее в номере отеля, а сам выскользнул через черный ход.

Кстати, позже мы как-то повстречались и обсуждали нашу любезную Лолу, весьма сойдясь во мнениях. Подобно мне, он отдавал ей должное как любовнице, но находил ее слишком неотразимой. «Ее сжигает огонь, – признавался он мне, качая своей седой гривой, – и он так часто опалял меня, о, так часто!» Я сочувствовал ему: меня она побуждала к любви с помощью расчески, в его же случае это был хлыст для собак. А ведь сложения он был вовсе не крепкого, бедный малый.

Так или иначе, эти обрывки слухов долетали до меня время от времени в течение последующих нескольких лет. Большинство из них я провел вдали от Англии – об этом будет рассказано в другой части моих мемуаров, если представится такая возможность. Мои свершения в середине сороковых годов не имеют отношения к настоящей истории, поэтому я пока опущу их и перейду к событиям, прелюдией к которым послужила моя встреча с Лолой и Отто Бисмарком.

²⁵ Страстная любовь Лолы и Листа разгорелась через год после ее отъезда из Лондона. После первой вспышки страсти великий пианист, судя по всему, стал испытывать к ней такие же эмоции, что и Флэшмен. Он попросту бросил ее одну в отеле, где она провела несколько часов, круша мебель. Впрочем, она не затаила зла, и в дни своего величия приглашала его в Мюнхен, обещая почетную встречу. (Комментарии редактора рукописи).

IV

Сейчас я понимаю, что если бы я не бросил Спидиката в ту ночь, не нахамил Бисмарку, не подначил Джека Галли поколотить его и, наконец, не отомстил Лоле, настучав на нее Ранелагу, – не будь всех этих «если», мне удалось бы избежать одного из самых невероятных и ужасных приключений в моей жизни. Еще одна замечательная глава не была бы вписана в историю героической карьеры Гарри Флэшмена, и не был бы создан один знаменитый роман.

Конечно, я пережил за свою жизнь слишком много, чтобы удручаться по поводу «но» и «если». С ними ничего не поделаешь, и если в итоге жизни ты размениваешь восьмой десяток, у тебя есть деньги в банке, а в баре выпивка – то ты настоящий болван коли мечтаешь о том, чтобы твоя судьба сложилась по-иному.

В общем, в 1847-м я снова оказался в Лондоне, в своем доме, и с денежками в кармане – моими собственными, к слову сказать, пусть и нечестно нажитыми. Но вряд ли они были грязнее, чем капиталы старого Моррисона, моего тестя, который подкармливал нас, чтобы обеспечить респектабельную жизнь своей «милой крошке». Его «милая крошка», моя Элспет, была рада видеть меня, впрочем, как и всегда. Мы по-прежнему изумительно проводили время в постели, несмотря на ее бесконечные проделки со своими воздыхателями. Да и я перестал переживать на этот счет.

Впрочем, когда я вернулся домой, предвкушая несколько месяцев отдыха, необходимых для того, чтобы восстановить силы после извлечения из моей филейной части пистолетной пули, меня ждал жестокий удар. Мои драгоценные тесть с тещей – мистер и миссис Моррисон из Пэйсли, оказывается, переехали на постоянное место жительства в Лондон. Благодарение Богу, мне не слишком часто приходилось видеть их с того самого момента, как я, тогда молоденький субалтерн гусаров Кардигана, женился на их прекрасной пустоголовой шлюхе-дочери. Меня с ее родителями связывало чувство взаимной антипатии, и с годами оно не ослабело ни у одной из сторон.

Что еще хуже, моего отца не было дома. В минувшие год-два старый хрыч здорово прикладывался к бутылке – а «здорово прикладываться» означало в его случае, что он лакал спиртное все время, пока бодрствовал. Пару раз папашу сбегивали в одно местечко в деревне, где спирты выпаривались из него, а розовые мышки, обгрызавшие пальцы на руках и ногах, оставляли-таки бедолагу в покое – так он, во всяком случае, утверждал – но вскоре эти твари возвращались, и батюшка отбывал в ссылку на новый «курс лечения».

– Милое дельце, – хмыкнул старина Моррисон – это было за обедом в первый вечер по моему возвращению; я бы предпочел оказаться в постели с Элспет, но нам, разумеется, нужно было проявить «вежливость» к ее родителям. – Милое дельце. Он так до могилы допьется, ей-ей.

– Вполне возможно, – говорю я. – Раз его отец и дед сумели, то чем же он хуже?

Миссис Моррисон, приобретшая с возрастом, вопреки ожиданиям, еще большее сходство со стервятником, при этом допущении разочарованно вздохнула, а ее супруг выразил уверенность, что и достойный отпрыск моего батюшки не преминет свернуть на протоптанную предками кривую дорожку.

– Ничего удивительного, – подхватываю я, подливая себе кларета. – У меня по сравнению с ними есть более весомые оправдания.

– И что вы хотите этим сказать, сэр? – вскинулся старик Моррисон.

Я не удосужил себя ответом, так что он разразился тирадой по поводу неблагодарности и развращенности, а также о распутных привычках моих и моей семьи в целом, и закончил излюбленным своим стенанием на судьбу, сведшую его дочь с мотом и подлецом, не способ-

ным даже просто жить дома с женой, как подобает христианину, а шляющемуся по всему миру подобно измаильянину²⁶.

– Погодите-ка, – говорю я, чувствуя, что с меня довольно. – С тех пор как я женился на вашей дочери, мне два раза пришлось бывать за границей по делам службы, и уж по крайней мере после первого из них я вернулся домой, имея за плечами изрядные заслуги. Готов держать пари, что вы не стеснялись направо и налево хвастать своим выдающимся зятем, когда тот прибыл из Индии в сорок втором.

– А толку-то что? – бурчит он. – Кто ты есть? Как был капитаном, так им и останешься.

– Вы не устаете напоминать Элспет в своих письмах, что именно вы содержите нашу семью, наш дом, и прочее. Ну так купите мне новый чин, раз воинские звания так много для вас значат.

– Чтоб тебе провалиться! – заорал Моррисон. – Неужто мало, что я содержу тебя, твоего отца-пропойцу и этот проклятый дом, в котором ты живешь?

– Это верно, – киваю я, – но если вам хочется, чтобы я сделал и военную карьеру, – что ж, это стоит денег, вы же знаете.

– Ха, черта с два ты получишь с меня хоть пенни, – рычит он. – Достаточно уже потрачено на глупости.

Мне показалось, что он глянул при этом на свою кислую супругу, которая фыркнула и слегка покраснела. «Что бы это значило? – думаю я, – неужто она просила купить ей пару эполет? Но в Конную гвардию ее и за деньги не возьмут, ну, разве сержантом-коновалом, не больше».

Больше за обедом, завершившимся в теплой обстановке искренней взаимной неприязни, не было произнесено ни слова; зато ночью перед сном я получил от Элспет кое-какие объяснения. Выходило так, что ее матушка испытывала все усиливающееся беспокойство по поводу перспектив выдать двух сестер Элспет замуж. Старшая была пристроена за одним торгашом из Глазго, и с редким усердием плодила потомство, но Агнес и Гризель оставались в девках. Я выразил мнение, что в Шотландии сыщется довольно искателей приданого, готовых покуситься на деньги ее отца, на что она ответила, что матушка отшила всех. Миссис Моррисон метила выше, говоря, что если уж Элспет сумела отхватить мужа, имеющего знатных родичей и стоящего на полпути в великолепный мир модного общества, то уж Агнес и Гризель и подавно сумеют.

– Да она рехнулась, – говорю я. – Если бы сестры имели твою внешность, у них мог бы появиться хоть полушанс, но один вид твоих дражайших родителей способен распугать всех знатных отпрысков за милю вокруг. Прости, дорогая, но это бред, ты ведь понимаешь.

– Моим родителям, конечно, не хватает достоинств, – заявляет Элспет (выйдя за меня, она сделалась жутким снобом), – тут я не спорю. Но отец очень богат, как тебе известно...

– Послушать его, так это совсем не наша заслуга.

– ... ты же знаешь, Гарри, что очень немногие из наших титулованных знакомых способны с пренебрежением взирать на богатое приданое. Мне кажется, что при правильном подходе мама вполне может подыскать для сестер подходящих мужей. Агнес, конечно, не красавица, зато маленькая Гризель очень мила, а образование их почти не уступает моему.

Не так-то легко красивой женщине с голубыми глазами, пышной фигурой и золотистыми волосами придать себе величественный вид, особенно если из одежды на ней только французский корсет, обшитый розовыми ленточками, но Элспет это удалось. В тот миг мной вновь овладело то ревностное обожание, которое я испытывал к ней по временам, несмотря на все ее измены. Мне трудно назвать причину, могу только сказать, что в ней было нечто

²⁶ Измаильянин – т. е. «сын Измаила», еврей.

колдовское, что-то такое по-детски наивное, эта ее задумчивость, ее ясный, непроходимо тупой взгляд. Весьма сложно не любить милых идиотов.

– Раз уж ты так хорошо образована, – говорю я, заваливая ее рядом с собой, – то давай-ка поглядим, чему же ты научилась.

И пока длился этот чрезвычайно строгий экзамен она – Элспет есть Элспет – время от времени изрекала свои обдуманые соображения по поводу шансов миссис Моррисон пристроить своих малышей.

– Так, – говорю я, пока мы восстанавливали силы, – насколько понимаю, от меня не ожидают помощи в их введении в общество. Тем лучше, и дай Бог каждой из них найти себе по герцогу.

Но без меня, ясное дело, не обошлось. Элспет была полна решимости использовать остатки моей популярности на пользу своих сестер, а мне ли не знать: если Элспет уперлась в чем-то, ее уже не свернешь. Завязочка от кошелька была в ее руках, как вам известно, а я не сомневался, что привезенных мною денег при моей привычке жить на широкую ногу надолго не хватит. Так что по возвращении передо мной открывалась не самая блестящая перспектива: старый сатрап далеко – в объятиях эскулапов и белой горячки; папаша Моррисон дома – постоянно гундосит и ко всему придирается; Элспет и миссис Моррисон разрабатывают коварный план: как обрушить двух сестричек на ничего не подозревающий Лондон; и я увяз в этом деле по уши – в том смысле, что мне предстоит повсюду представлять моих очаровательных шотландских родственников. Мне придется волочить папашу Моррисона в свой клуб и стоять за креслом миссис Моррисон на вечеринках, выслушивая, как она излагает какой-нибудь высокородной мамочке рецепт приготовления телячьего рубца по-шотландски. А люди будут говорить: «Видели тестя и тещу Флэши? Они же питаются торфом, разве вы не знаете? И говорят только по-гэльски. Разве их язык можно назвать английским, не правда ли?»

О, я знал, чего мне ждать, и не собирался терпеть все это. У меня мелькала мысль повидать дядюшку Биндли из Конной гвардии и попросить его организовать мое назначение в какой-нибудь полк вне столицы – я тогда не числился на действительной службе, и идея сидеть на половинном жалованье мне совсем не улыбалась. И пока я гадал, что делать, пришло письмо, которое разрешило все мои затруднения, и заодно перекроило карту Европы.

Оно грянуло как гром среди ясного неба, вынырнув из счетов от портных, антипапистских трактатов, подписки на клуб и предложения приобрести железнодорожные акции – обычного хлама. Почему мне запомнились эти бумаги, даже не знаю. Должно быть, у меня извращенная память, потому что содержимое большого белого конверта способно было выветрить все иные воспоминания из любой нормальной головы.

Конверт был шикарный – из бумаги самого лучшего качества, украшен с обратной стороны неизвестным мне дотоле гербом. Тот являл собой щит, разделенный на четыре поля: красное, синее, синее и белое, в которых были помещены меч, коронованный лев, нечто смахивающее на толстого кита, и алая роза. Ясное дело, отправителем был или кто-то жутко высокородный, или какой-нибудь производитель нового сорта патоки.²⁷

Внутри оказалось письмо, в верхней части которого замысловатым шрифтом и в окружении орнамента из розовых купидончиков были вытиснены слова: «*Gräfin de Landsfeld*». «Кто же это, черт побери, может быть? – недоумевал я. – И чего ей от меня надо?»

Письмо я воспроизвожу в совершенной точности, так как оно лежит сейчас передо мной, сильно истрепавшееся и засалившееся, но вполне читабельное. Мне представляется,

²⁷ Герб графини Ландсфельд описан в точности; «толстый кит» на самом деле был серебряным дельфином. (Комментарии редактора рукописи).

это было самое удивительное послание за всю мою жизнь – включая даже благодарственный адрес от Джефферсона Дэвиса и отсрочку от исполнения приговора в Мексике. Оно гласило:

Достопочтеннейший Сэр,

Я пишу Вам по поручению Ее Светлости, графини Ландсфельд, которой вы имели честь быть представлены несколько лет тому назад в Londres²⁸. Ее Светлость приказать мне сообщить Вам, что она сохранила самые живейшие воспоминания о Вашей дружбе и желать передать Вам ее сильнейшие благодарности за тот случай.

Я ничего такого не помнил. Хотя мне вряд ли удалось бы перечислить имена всех женщин, которых я знал, имя некоей иностранной графини уж точно не выскользнуло бы из моей памяти.

Сэр, хотя Ее Светлость не сомневается, что Ваши обязанности есть самого важного и утомительного свойства, она надеется, что Вы изыщете возможность вникнуть в дело, которое я, по ее повелению, изложу здесь перед Вами. Она полагает, что бывшие между вами дружеские связи, не в меньшей мере чем Ваша рыцарственная натура, о которой она сохранила столь приятные воспоминания, побудить Вас помочь ей в деле, имеющем самое деликатное свойство.

Видно, этот малый спятил, подумал я, или же ошибся адресом. Сомневаюсь, что в мире найдется хотя бы три женщины, способных думать обо мне как о рыцаре, даже из близких знакомых.

Ее Милость указать мне потребовать, чтобы Вы как можно скорее после получения этого письма поспешили прибыть в Minga, где услышать из ее собственных уст все детали о службе, которую она так хочет получить от Вас. Она спешит уверить Вас, что это не составит для Вас ни малейшего труда или затрат, но именно благодаря свойств именно Вашей натуры она чувствовать, что именно Вы из всех ее лучших друзей наиболее подходите для этого дела. Она не сомневается в тепло Вашего сердца, и что оно сразу же заставит Вас согласиться с ней и действовать так, как подобает настоящий английский джентльмен.

Достопочтенный Сэр, в подтверждение того, что Вы намерены помочь Ее Милости, советую Вам нанести визит в адвокатскую контору Уильям Крейг и сыновья по адресу Уайн-Оффис-корт, Londres, для получения инструкции о Вашем путешествии. Они выдать Вам в дорогу 500 фунтов в золоте и пр. Дальнейшие выплаты будет производиться по мере необходимости.

Сэр, Ее Милость повелевать мне завершить письмо уверениями в самом ее глубочайшем дружеском расположении и в нетерпении удовольствия видеть Вас снова.

Соглашайтесь, уважаемый Сэр, и т. д.,

*Р. Лауэнграм,
управляющий.*

Первой моей мыслью было, что это шутка, сыгранная кем-то, кто не совсем в ладах с головой. Совершенная чепуха: у меня не было ни малейшего представления, кто такая эта «Gräfin de Landsfeld» или где находится этот «Minga». Но перечитав письмо несколько раз, я

²⁸ Londres – Лондон (фр.).

поймал себя на мысли, что будь это подделка, автор постарался бы исковеркать английский язык значительно сильнее и не потрудились бы написать некоторые из предложений без грубых ошибок.

Но если письмо настоящее, то какого дьявола, оно означает? Что это за служба такая (без труда и затрат, заметьте) ради которой некая иностранная титулованная особа готова отвалить мне пятьсот фунтов, и это только в виде первого платежа?

Добрых минут двадцать я глядел на эту штуку, и чем больше думал, тем меньше мне все это нравилось. Уж если я и выучился чему-нибудь за свою треклятую жизнь, так это правилу, что никто, как бы он ни был богат, не станет платить за просто так, и чем больше затраты, тем поганее окажется дельце. Кому-то, пришел я к выводу, хочется крепко насолить старине Флэши, вот только хоть убей не пойму за что. Я не находил в себе качеств, способных пригодиться в делах «самого деликатного свойства» за исключением таланта к языками и верховой езде. И тут ни слова не говорилось о страшных опасностях, где мог бы пригодиться мой предполагаемый героизм. Да, я оказался в совершеннейшем тупике.

Я всегда старался хранить попавшие мне в руки иностранные книги и памфлеты, такое у меня было хобби, и поскольку наиболее вероятным казалось предположение, что автором является немец, мне не составило труда найти словарь. Оказалось, что «Minga» это диалектное написание города Мюнхена, что в Баварии. Никого знакомых у меня там не было, тем более какой-то «Gräfin» или графини; говоря по правде, я вообще из немцев мало кого знал, в Германии никогда не был, и мое знакомство с немецким языком ограничивалось несколькими досужими часами, проведенными несколько лет назад за грамматикой.

Как ни крути, оставался один-единственный способ разгадать эту загадку, так что я отправился на Уайн-Оффис-корт и разыскал контору «Уильям Крейг и сыновья». Я был наполовину готов к тому, что они пошлют меня куда подальше, но нет: меня встретили такими поклонами и расшаркиванием: «прошу сюда, сэр, прошу туда, сэр», будто я был настоящий герцог. Это озадачило меня еще больше. Молодой мистер Крейг усадил меня в кресло; это был скользкий, довольно спортивного вида тип в синем сюртуке и с пышной гривой темных волос – совсем не похож на этих адвокатов из Сити. Когда я показал ему письмо и потребовал рассказать, что ему обо всем этом известно, он одарил меня понимающей улыбкой.

– Ну же, все в порядке, дорогой мой сэр, – говорит он. – На ваше имя оформлен перевод на пятьсот фунтов, нужно только удостоверить личность получателя, но с этим-то у нас проблем не будет, верно? Капитан Флэшмен ведь достаточно известен, ха-ха! Мы все помним его знаменитые подвиги в Китае...

– В Афганистане, – вставляю я.

– Ну да, точно. Перевод отправлен на «Английский банк». Да, все в совершенном порядке, сэр.

– Но кто она, черт побери, такая?

– Какая такая, любезный сэр?

– Это графиня как ее там... Ландсфельд?

От удивления его улыбка сошла с лица.

– Я не понимаю... – говорит он, теребя черную бородку. – Неужто вы хотите сказать, что не знакомы с этой леди? Как же так, ведь ее управляющий писал вам...

– Никогда о ней не слышал, – говорю я, – насколько помнится.

– Так, так, – говорит он, удивленно глядя на меня. – Это черт... очень удивительно, скажу я вам. Вы уверены, дорогой сэр? Не говоря уж о письме, содержащем, как мне кажется самые... ну, сердечные приветствия. Да уж, уверен, что в Англии не найдется ни одного человека, который не слышал бы о прекраснейшей графине Ландсфельд.

– Так вот, тот самый человек перед вами, – отвечаю я.

– Не могу поверить, – вопит он. – Как, вы не слышали о Червонной Королеве? О Ла Белль Эспаньоль? О повелительнице, разве что не коронованной, Баварского королевства? Уважаемый сэр, да весь свет знает о донье Марии де... куда оно опять запропастилось? – он зашуршал бумагами – а, вот: донье Марии де Долорес де лос Монтес, графине Ландсфельд. Ну же, сэр, ну...

Поначалу это имя ничего мне не сказало, но потом меня осенило.

– Де лос Монтес? Не о Лоле Монтес, случаем, идет речь?

– О ком же еще, сэр? Близком друге – на самом деле, многие говорят более чем друге – короля Людвига. Да ведь газеты никогда не испытывают недостатка в сенсациях, связанных с ней, каких-нибудь свежих скандалах... – он продолжал трещать, идиотски ухмыляясь. Но я не слушал его. Голова у меня шла кругом. Лола Монтес, моя Розанна – графиня, некоронованная королева, любовница короля? И она пишет мне, предлагая значительную сумму. Ей-ей, мне требовалось больше информации.

– Простите меня, сэр, – говорю я, прерывая поток его излияний. – Меня смутил титул, поскольку мне никогда не приходилось о нем слышать. Когда я знал Лолу Монтес, она была просто миссис Джеймс.

– Ах, дорогой мой, мой дорогой сэр, – говорит он, изменившись в лице. – Те дни остались далеко позади! Вообще-то наша фирма представляла интересы миссис Джеймс несколько лет тому назад, но мы никогда не вспоминаем об этом! О нет, ни в коем случае! Но графиня Ландсфельд – дело другое – эта дама имеет совсем другой коленкор, ха-ха!

– Когда она получила титул?

– Ну, несколько месяцев назад. Разве вы не...

– Я был за границей, – говорю я. – До этой недели я почти год не читал английских газет. Конечно, о выходках Лолы Монтес мне за минувшие три года доводилось слышать, но об этом – ни слова.

– Ну и как вам, а? – заявляет он, буквально излучая похабство. – Знаете ли, мой дорогой сэр, ваша подруга – ха-ха – весьма влиятельная леди, в самом деле! Все королевство у нее под каблуком, она назначает и смещает министров, командует политиками – и сеет раздор по всей Европе, поверьте моему слову! Ходят слухи – да, в одной газетенке даже появилась статья, где ее назвали современной Мессалиной, – он понизил голос и склонил свое сальное лицо поближе ко мне, – об ее охране из отборных молодых людей, представляете, сэр? Она путешествует по загранице с отрядом кирасир, скачущих за ее каретой, и травит собаками тех, кто посмеет оказаться у нее на пути – о, одного несчастного, не снявшего перед ней шляпу, сэр, едва не засекли до смерти! Правда-правда, сэр. И никто не решается сказать ей «нет». Король от нее без ума, придворные и министры перед ней трепещут, студенты ее боготворят. Да, сэр, она настоящая сенсация!

– Так, так, – говорю. – Малютка Джеймс, значит.

– Умоляю, сэр! – возопил он. – Не упоминайте это имя. Графиня Ландсфельд – вот ваша знакомая, да простите мне смелость напомнить вам об этом.

– Ну, хорошо, пусть так, – киваю я. – Скажете, чего она от меня хочет?

– Мой дорогой сэр, – говорит он, ухмыляясь. – Дело весьма деликатное, понимаете? Ну кто я такой, чтобы говорить об этом вам? Ха-ха. Почему бы вам не отправиться в Баварию и не услышать все подробности «из ее собственных уст»?

Об этом я и сам себя спрашивал. Мне, конечно, не верилось: Лола – королева? Прямо в голове не укладывается. Но то, что Лола просит меня о помощи – это когда наша последняя встреча ознаменовалась обменом «любезностями» и метанием ночных горшков, не говоря уж о фуроре в театре, где она явно видела меня среди разоблачителей? Конечно, мне ли не знать о переменчивости женщин, но я сомневался, что она способна вспоминать обо мне хоть с тенью теплоты. И все-таки ее письмо дышало едва не раболепием, и уж если не слова,

то дух его явно был продиктован ей. Возможно, она решила предать прошлое забвению – на свой лад Лола была благородным созданием, как и большинство шлюх. Но почему? Что она надеется получить от меня – ведь из моих способностей ей известны только мои альковные подвиги. Не собирается ли *maitresse en titre*²⁹ возвести меня в ранг своего любовника? В моем воображении, всегда крайне богатом по части амурных картин, уже представал величественный образ Флэши – Красы Гарема... Но нет. Хотя самомнением я обделен не был, мне не верилось, что в окружении всех этих юных жеребцов из дворцовой охраны она станет скучать по моим шикарным бакенбардам.

Но вот сидит адвокат, уполномоченный ею вручить мне в качестве аванса пятьсот фунтов на дорогу до Мюнхена – это в десять раз больше суммы, необходимой для такого путешествия. Все это было лишено всякого смысла – если только она не влюблена в меня. Но это чувствую: я неплохо поразвлек ее с недельку, но не более того, уж это точно. Что же за услугу мог я ей оказать, да еще такую важную?

У меня чутье на риск: то недоброе предчувствие, которое охватило меня при первом прочтении письма, завладело мной опять. Будь у меня хоть капля здравого смысла, ей-богу, я порекомендовал бы этому сальному мистеру Крейгу убираться куда подальше и перевод с собой захватить. Но даже величайший трус не обращается в бегство, пока не увидит первых признаков опасности, а их не было и в помине, если не принимать в расчет инстинкт. Но ему я мог противопоставить заманчивую перспективу слинять от моих проклятых родственников – о, боже! – и от ужаса сопровождать их в обществе, и получить изрядную сумму сейчас, а в последствие еще большую. И вдобавок удовлетворить свое любопытство. Если я отправлюсь в Баварию и дело покажется более скверным, чем представляется сейчас – всегда ведь можно сделать ноги. А мысль о новой встрече с Лолой – «знойной» и «дружелюбной» Лолой – распаляла самые потайные мои желания: если судить по рассказам Крейга, будь они хоть наполовину правда, жизнь при дворе доброго короля Людвига³⁰ была развеселая. Мне уже мерещились дворцовые оргии в древнеримском стиле: старина Флэши возлежит словно султан, Лола склоняется над ним, рабы подносят чаши с растворенным в вине жемчугом, а чернокожие евнухи стоят наготове, вооруженные огромными позолоченными расческами. И пока трезвый рассудок нашептывал мне, что где-то здесь кроется западня, я до поры не мог разглядеть никаких признаков этой ловушки. Поживем – увидим.

– Мистер Крейг, – говорю я, – где можно обналичить мой перевод?

²⁹ Официальная любовница, фаворитка (*фр.*).

³⁰ Людвиг I – король Баварии с 1825 до своего отречения 20 марта 1848.

V

Слинять из Лондона не доставило особых проблем. Элспет немного подулась, но когда я дал ей глянуть – очень бегло – на подпись Лауэнграма и конверт письма, подкрепив это выражениями типа «особое военное подразделение в Баварии» и «заграничная дворцовая служба», она совершенно оттаяла. Идея, что я буду возвращаться в высших сферах, льстила ее незамутненному знанием уму; она чувствовала неосознанную гордость от того, что окажется сопричастна этому.

Моррисонам все это, разумеется, не понравилось, и старый скряга начал плести про безбожных бродяг, уподобив меня Картафилу³¹, который, надо думать, оставил по штанам и рубашке в каждом городе Древнего мира. По его словам, в меня вселился демон, не дающий покоя, и он проклинает тот день, когда согласился выдать свою любимую дочь за беспутного проходимца, не имеющего даже тени понятия о супружеском долге.

– Ну раз так, – говорю я, – то чем дальше я от нее окажусь, тем больше удовольствия вам доставлю.

Он оторопел от такого цинизма, но в тайне, думаю, был согласен. Побурчав напоследок про плохой конец, неизбежно ожидающий змеиное отродье, он оставил меня собирать вещи.

Их было не слишком много. Военная служба учит путешествовать налегке, и мне хватило пары чемоданов. Я захватил с собой свой старый вишневый мундир – самую эффектную форму, в которую когда-либо одевался солдат – поскольку чувствовал, что она поможет произвести впечатление; в остальном ограничился самым необходимым. В число последнего попали, после некоторого раздумья, дуэльные пистолеты, презентованные мне оружейником после истории с Бернье. Оружие было превосходное, достаточно точное в руках хорошего стрелка, и для того времени, когда револьверы еще считались экспериментальной игрушкой, являлось последним словом техники.

Но я колебался, брать ли их. По правде говоря, мне не хотелось верить, что они могут понадобиться. Пока ты молод, горяч и стоишь на пороге приключений, для тебя кажется важным, чтобы оружие было всегда под рукой, потому как тебя обуревают романтические картины его применения. Даже я ощущал трепет, когда впервые сжимал в руке рукоять сабли на тренировках Одиннадцатого легкого драгунского, и воображал, как крушу ею наповал орды жестоких, но вежливо подставляющихся под удары врагов. Но когда вам приходится видеть рассекшую тело глубокую рану или раздробленные пулей кости, все мечтания как рукой снимает. Задумчиво взвешивая пистолеты в руках, я думал, что, беря их, допускаю тем самым возможность своей собственной насильственной смерти или увечья в ходе грядущих событий. Как видите, в своем развитии как труса я поднялся на новую ступень. Но хоть оружие и наводило на неприятные мысли, с пистолетами было как-то приятнее, поэтому я упаковал и их. Заодно взял с собой и небольшой морской нож. Конечно, это не подходящее оружие для англичанина, но чертовски удобная вещица для самого разного рода дел. Опыт научил меня тому, что нужда в оружии возникает редко, но уж если возникает, то ощущается как ни в чем другом.

Итак, повидавшись на прощание с дядей Биндли в Конной гвардии – тот едко заметил, что британская армия сможет обойтись без моих услуг еще некоторое время, – и зашив в пояс половину от пятисот фунтов (другая половина была положена на хранение в банк), я был готов тронуться в путь. Оставалось только одно дело. Я потратил целый день, разыскивая по Лондону немецкого лакея, а когда нашел, предложил ему оплатить дорогу домой и выдать хорошую премию при условии, что он согласится ехать вместе со мной. Немецкого языка я

³¹ Картафил – одно из имен «Вечного жида», Агасфера.

не знал совершенно, но, учитывая мой талант, не сомневался, что за время пути до Мюнхена уже смогу хотя бы немного болтать на нем. Я уже не раз говорил, что идеальный способ выучить иностранный язык – учить его в постели со шлюхой, но когда он недоступен, то умный попутчик может послужить не хуже. Овладение иностранной речью всегда давалось без труда, чему я весьма рад.

По счастливой случайности малый, которого я нашел, оказался баварцем, и запрыгал от радости, узнав про шанс вернуться домой. Звали его, как помнится, Гельмут, впрочем, не это важно: мне с ним очень повезло. Как все немцы, он был одержим старательностью, и, узнав о моем желании, принялся с энтузиазмом удовлетворять его. Час за часом: на корабле, на поезде, в экипаже, он разговаривал со мной, повторял слова и предложения, выправлял мое произношение, разъяснял правила грамматики, но самое главное – научил меня самому важному – чувствовать ритм языка. Похоже, этим умением наделены лишь немногие счастливицы, и я из их числа. Дайте мне ухватить ритм, и я смогу понять сказанное человеком, даже если не знаю слов, которые он употребил. Я не хочу сказать, что выучил немецкий за две недели, но к концу этого времени мне уже по силам оказалось пройти свой собственный простейший тест, который заключается в умении задать местному жителю вопрос: «Скажи мне, только медленно и членораздельно, каковы взгляды твоего отца на крепкие напитки (религию, лошадей или иное что придет на ум)», – и достаточно ясно уразуметь ответ. Гельмут был поражен моими успехами.

Ехали мы не спеша, тем более что по пути лежал Париж, город, который мне так давно хотелось посетить, ибо я был наслышан, что распутство возведено там в ранг высокого искусства. Меня ждало разочарование: шлюхи по всему миру одинаковы, и парижские ничуть не лучше других. От французов меня воротит с души, и причем давно. Уж на что я выродок, так они еще хуже. И не только в физическом смысле – у них мозги извращенные. У многих иностранцев изо рта воняет чесноком, у лягушатников же им несет даже от мыслей.

Вот немцы совсем другие. Не будь я англичанином, я хотел бы быть немцем. Они говорят что думают, а это редкость, и все у них в образцовом порядке. Каждый немец знает свое место и не рыпается, и пресмыкается перед тем, кто выше его, из-за чего эта страна очень хороша для джентльменов и хамов. В мои юные годы в Англии, дозволив себе грубость к кому-то из рабочего люда, запросто можно было схлопотать в глаз, зато в Германии все нижестоящие раболепны как ниггеры, только с белой кожей. Вся страна прекрасно дисциплинирована и организована, прибавьте к этому покорность населения – и вы получите лучших в мире солдат и рабочих. Что мой приятель Бисмарк и доказал. В основе этих качеств лежит, разумеется, глупость, ибо умного человека не очень-то заставишь воевать или работать. Сейчас от немцев стонет весь мир, но поскольку мы ближе к ним, чем кто-либо другой, то вполне можем пользоваться этим себе во благо.

Впрочем, все вышеописанное мне еще предстояло открыть, хотя из знакомства с Гельмутом за время путешествия я уже был склонен к подобным выводам. Кстати, не стану утомлять вас детальным описанием нашей поездки: ничего необычного не случилось, главное мое беспокойство заключалось в опасении, не подхватил ли я сифилис в Париже. Оказалось, что нет, но с тех пор я зарекся по возможности держаться подальше от французов.

Прибыв в Мюнхен, я сразу почувствовал симпатию к этому городу. Чистенький, аккуратный, цены существенно ниже чем у нас (пиво стоит полпенни за пинту, а слугу можно нанять за два шиллинга в неделю), народ вежливый и услужливый, а нравы, если верить приобретенному в Лондоне путеводителю, «весьма свободные». Самое место для старины Флэши, решил я, и стал искать, где бы остановиться. Я совсем потерял бдительность: нетерпение возобновить знакомство с Лолой и узнать, чего же ей таки от меня понадобилось, начисто вытеснили все сомнения, терзавшие меня в Лондоне. Хуже того: знай я, что поджидает меня за углом, то бросился бы со всех ног в Англию, и был рад, что в состоянии драпать.

В Мюнхен мы прибыли в воскресенье; рассчитав Гельмута и найдя отель на Терезиенштрассе, я стал обдумывать свой первый шаг. Проще простого было выяснить, что Лола обитает в собственном дворце, который обезумевший от любви Людвиг выстроил специально для нее на Барерштрассе. Можно было просто заявиться туда и известить о своем прибытии. Но никогда не стоит пренебрегать разведкой, поэтому я решил послоняться пока часок-другой по улицам и ресторанам, послушать о чем говорят. Может быть, даже удастся вывести причину ее заинтересованности во мне.

Я побродил по прелестным улочкам, осмотрел Хофгартен и великолепный Резиденц-палас, в котором обитал король Людвиг, попил превосходного немецкого пива в одной из их забегаловок под открытым небом, а тем временем наострил ушки, пытаясь уловить, о чем толкуют люди. Трудно представить себе жизнь более спокойную и умиротворенную: несмотря на позднюю осень, светило солнце, дородные важные бюргеры в сопровождении миловидных жен или сидели, потягивая пиво и попыхивая внушительных размеров трубками, или же чинно прогуливались по мостовой. Никто не спешил, за исключением прислуги, тут и там группы молодых людей в длинных плащах и ярких шляпах – их я принял за студентов – весело смеялись, немного оживляя картину, в остальном же это был сонный, спокойный вечер. Казалось, сам Мюнхен довольно шуруется на мягкое солнышко и вовсе не ожидает беспокойства ни с какой стороны.

И тем не менее разыскав французскую газету и пообщавшись с людьми, говорящими на французском или английском, мне удалось вывести кое-какие слухи. Выяснилось, что не меня одного интересует Лола: добрые мюнхенцы толковали о ней не меньше, чем британцы о погоде – и при этом в схожем ключе – что-де она плоха и обещает стать еще хуже, но поделаться тут ничего нельзя.

Она, как кажется, олицетворяла собой верховную власть Баварии. Людвиг был у нее под пятой, она сместила враждебный себе кабинет ультрамонтанов³² и назначила министрами своих ставленников, и даже факт, что Лола была закоренелой протестанткой, не мог помочь католической иерархии в борьбе против нее. Профессура, имевшая тут гораздо больший вес, чем у нас в Англии, единодушно выступала против нее, среди студенчества же царил жестокий раскол. Часть ненавидела и проводила манифестации у нее под окнами, зато остальные, называвшие свою партию «Аллемания», провозгласили себя ее защитниками и повсюду нападали на своих оппонентов. Кое-кого из этих молодых людей мне показали: их выделяли алые шляпы. Парни это были крепкие, сплоченные и хладнокровные, они расхаживали с важным видом и громко разговаривали; прохожие старались поскорее убраться у них с дороги.

Так или иначе, подчинив себе Людвига, Лола себе не изменила, и если верить франкоязычному журналисту, чью статью я читал, ее возвышение наделало много шума за пределами Баварии. Ходили слухи, что она – агент Пальмерстона³³, посланный с целью организовать революцию в Германии; многие государства, напрягающие все силы в борьбе с нарастающим по всей Европе недовольством общественности, воспринимали Лолу как серьезную угрозу стабильности старых режимов. Было произведено по крайней мере одно покушение на нее; Меттерних, архиреакционный повелитель Австрии, предпринял попытку заставить Лолу покинуть Германию по добру по здорову. Секрет в том, что в те дни мир стоял на пороге величайшей революции: мы оказались на рубеже между старой эрой и новой, и все, что являлось фактором беспорядка и нестабильности, вызывало резкое неодобрение властей. Так что Лолу не жаловали: газеты поливали ее грязью, священники клеймили в про-

³² Ультрамонтаны – католическая партия сторонников папской власти.

³³ Генри Джон Темпл, лорд Пальмерстон (1784–1865) – английский государственный деятель, долгие годы руководил обороной, а затем и внешней политикой государства.

поведях как Иезавель и Семпронию³⁴, а обыватели почитали ее за дьявола в человеческом облике – и то, что обличье это было прекрасным, только усугубляло гнев.

На этом профессор Флэшмен заканчивает лекцию по истории, по большей части списанную из учебника, но кое-что из вышеприведенного сделалось для меня очевидным уже в тот первый день в пивных Мюнхена.

В одном я был точно убежден, и история это подтвердила: что бы там ни говорили, простые люди в Лоле души не чаяли. Они могли качать головой и бросать укоризненные взгляды, когда ее конный эскорт прокладывал себе путь среди толпы протестующих студентов; могли выражать неодобрение, слыша об оргиях во дворце на Барерштрассе; могли издавать вопли ужаса, когда «Аллемания» порола хлыстом какого-нибудь редактора и громила его издательство – но в глубине души они любили Лолу, при всей ее вычурности и грубости. Женщин же тешила мысль, что особа одного с ними пола сумела поставить на уши всю Европу. Каждый раз когда непосредственная и темпераментная Монтес затевала новый скандал, много находилось таких, кто думал про себя: «Вот так вам и надо», – но мало кто осмеливался говорить это вслух.

Так какого же дьявола ей нужно от меня? Впрочем, затем я и приехал в Мюнхен, чтобы узнать. В тот воскресный вечер я нацарапал записку, адресованную управляющему Лауэнграму, сообщив, что нахожусь здесь и жду его распоряжений. Затем прогулялся к Резиденц-Палас и полюбовался на портрет Лолы в публичной галерее – так называемой «Галерее красавиц», куда Людвиг собирал изображения самых прекрасных женщин своего времени. Там можно было встретить принцесс, графинь, актрис, даже дочь мюнхенского городского глашатая; среди них красовалась Лола в непривычном образе, похожая на монахиню из-за своего черного платья и постного выражения лица.³⁵ Под портретом было помещено сочиненное королем стихотворение (он был одаренным поэтом), заканчивающееся следующими строчками:

О, словно лань, так трепетна, нежна,
Ты, Андалузии народом рождена!

Что ж, возможно, ему виднее. Подумать только: несколько лет назад ее, нищую танцовщицу, с позором гнали с лондонских подмостков!

Учитывая истерический характер письма Лауэнграма, я рассчитывал попасть во дворец Лолы уже в понедельник, но прошел день, другой – тишина. Но я ждал, не покидая отеля, и в среду поутру был вознагражден за терпение. Я был в своей комнате и заканчивал завтрак, еще не сняв халата; тут в коридоре послышался шум, и появился лакей, доложивший о прибытии некоего фрайгерра фон Штарнберга. Снова топот и звяканье, и за лакеем возникли два кирасира, занявшие места по обе стороны моей двери. Пройдя между них, в комнату стремительно вошел человек – щеголеватый молодой, одаривший меня белозубой улыбкой и протянутой для пожатия рукой.

– Герр риттмайстер Флэшмен? – спрашивает он. – Моя честь и привилегия приветствовать вас в Бавария. Штарнберг, очень сильно к вашим услугам. – Он щелкнул каблуками и поклонился. – Простите мне мой французский, но он лучше чем мой английский.

³⁴ Иезавель – жена библейского царя Ахава, прославилась жестокостью и нечестивостью; Семпрония – древнеримская матрона, сестра знаменитых реформаторов Тиберия и Гая Гракхов. На нее пало подозрение в убийстве собственного мужа, полководца Сципиона Эмилиана.

³⁵ Портрет Лолы кисти Штилера в галерее короля Людвигу являет образец викторианской чопорности. Более выразительно Монтес изображена на литографии Дартигенава: она передает не только ее ослепительную красоту, но и ее властный характер. (Комментарии редактора рукописи).

– И уж, во всяком случае, лучше, чем мой немецкий, – отвечаю я, пристально разглядывая его.

Лет около двадцати, среднего роста, очень стройный, с правильным, приятным лицом и намеком на усики на верхней губе. Уверенный, изящный джентльмен, облаченный в мундир и бриджи некоего гусарского полка, как я понял по наброшенному на плечо ментик и висящей на бедре легкой сабле. Он тоже внимательно изучал меня.

– Драгун? – поинтересовался он.

– Нет, гусар.

– В таком случае, английские строевые лошади должны быть очень крепкий, – хладнокровно замечает он. – Но это не важно. Простите мой профессиональный интерес. Я помешал ваш завтрак?

Я заверил его, что нет.

– Отлично. В таком случае будьте любезны одеваться. Нельзя больше терять время. Лола не любит ждать. – Он закурил чируту и стал оглядывать комнату. – Проклятое место – эти отели. За ничто не согласился бы жить в таком.

Я сказал, что проторчал здесь добрых три дня, на что он рассмеялся.

– Ну, девушки есть девушки, – говорит, – нельзя заставить их торопиться ради мужчин, в то время как они от нас только этого и ждут. Лола не отличима от прочих – в этом отношении.

– Похоже, вы хорошо ее знаете, – говорю я.

– Достаточно хорошо, – небрежно бросает он, присаживаясь на край стола и покачивая лакированной туфлей.

– Я хотел сказать, для посыльного, – продолжаю я, надеясь немного сбить с него спесь. Но он только ухмыльнулся.

– Ну, для леди – любой каприз, разве не так? При необходимости я исполнять и иные обязанности. – И он одарил меня совершенно невинным взглядом голубых глаз. – Не хочу торопить вас, старый дружище, но мы терять время. Мне все равно, но ей – нет.

– Нам ни к чему ее злить.

– Вот именно. Уверен, вы иметь представление о леди с настоящим южным темпераментом. Бог мой, я бы сойти с ума, будь она моей жена. Но хвала небесам, это не так. У меня не хватать духа выносить ее вспышки гнева.

– Неужели?

– Ни ее, ни вообще чьи-либо, – заявил фон Штарнберг и принялся расхаживать по комнате, насвистывая себе под нос.

Как правило, самоуверенные люди меня раздражают, но не так-то просто было осадить этого молодого хлыща, и внутренний голос подсказывал, что ничего доброго из этого не выйдет. Предоставив ему хозяйничать в моей гостиной, я нырнул в спальню и стал одеваться, решив облачиться в свой вишневый мундир с расшитым золотым шнуром доломаном и лосинами. При моем появлении Штарнберг окинул форму удивленным взглядом и присвистнул.

– Шикарный мундирчик, – говорит он, – Честное слово. Ради такого Лоле стоило подождать немного.

– Скажите-ка, – говорю я. – Вам, похоже, многое известно: зачем, по вашему мнению, она послала за мной? Полагаю, вы в курсе ее поступка.

– Ну, конечно, – кивает он. – Раз вы знать Лолу, то советую вам взглянуть в зеркало: разве вы не находите там ответ?

– Идемте же, – говорю я. – Я тоже знаю Лолу, и не стану скромничать насчет своих достоинств, но вряд ли она стала бы тащить меня из Англии только для того...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.